

• НОВЫЙ ШЕДЕВР ЕВРОПЕЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ОЛИВЕР ПЁТЧ

Заговор Дюгвира

Новый шедевр европейского детектива

Оливер Пётч
Заговор Людвига

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.112.2-312.4
ББК 84(4Гем)-44

Пётч О.

Заговор Людвига / О. Пётч — «Эксмо», 2011 — (Новый шедевр европейского детектива)

ISBN 978-5-699-94924-3

Смерть короля Баварии Людвига II, последнего рыцаря Европы, всегда была окутана пеленой загадок и мрачных тайн. Главным вопросом до сих пор остается: покончил ли с собой «сказочный король» или же был убит заговорщиками? Его родственники наотрез отказались от вскрытия и никогда никого не подпускали к телу покойного короля. Со временем жизнь и смерть Людвига II стала легендой. Пока в руки немецкого букиниста Стивена Лукаса не попал дневник близкого друга баварского монарха, текст в котором был хитроумно зашифрован. Стивен сразу почуял запах тайны. Но, видно, почуяли его и те, кто вскоре пришел к нему в магазин...

УДК 821.112.2-312.4

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-94924-3

© Пётч О., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Беседа с Оливером Пётчем	6
Действующие лица исторической части романа	9
Несколько слов во вступление...	10
Пролог	11
1	14
2	22
3	26
4	30
5	37
6	39
7	42
8	50
9	60
10	66
11	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Оливер Пётч Заговор Людвига

Oliver Pötzsch
DIE LUDWIGVERSCHWÖRUNG

Серия «Новый шедевр европейского детектива»

© by Ullstein Buchverlage GmbH, Berlin. Published in 2011 by Ullstein Taschenbuch Verlag

© Peter Palm, Berlin/Germany

© Прокуров Р. Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2017

* * *

Беседа с Оливером Пётчем

Чем же так привлекает вас король Людвиг II?

В первую очередь своей загадочной смертью, дающей превосходный материал для захватывающего романа. Но потом я обнаружил, сколь многогранна его личность: король, увязший в мире собственных грез, своего рода последний из рыцарей, он противопоставляет себя новому времени – и терпит поражение.

Романы о дочери палача принято считать детективами, и действие их разворачивается после Тридцатилетней войны. «Смерть короля Людвига» представляет собой триллер, события которого развиваются в наше время. Можно рассматривать этот роман в качестве перехода к новому жанру?

Я считаю, что жанр определяется содержанием. Вокруг Людвига II существует множество теорий заговоров. Вы только вспомните таинственный орден стражей короля, пропавшие дневники и исчезновение камзола с пулевыми отверстиями – или Виттельсбахов, которые и по сей день хранят молчание касательно смерти короля. Просто идеальный набор для мистического триллера. Кроме того, я получил огромное удовольствие, как следует закрутив сюжет.

Красоты Баварии играют в романе немаловажную роль. Для кого написана эта книга – для жителей Южной Германии, туристов или для всех, кто любит увлекательные романы?

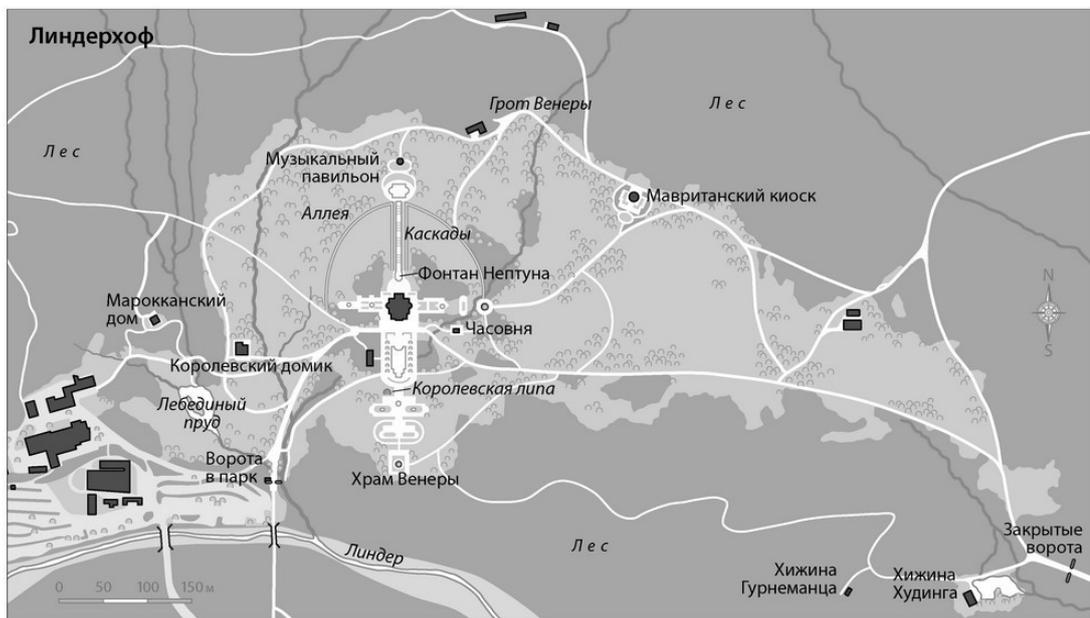
Немцы, как я надеюсь, после прочтения еще больше полюбят родную землю. Туристы откроют для себя завораживающий мир, полный тайн, баварских традиций и прекрасных пейзажей. А любители триллеров и детективов в очередной раз поймут, что история, так или иначе, создает самые увлекательные сюжеты.

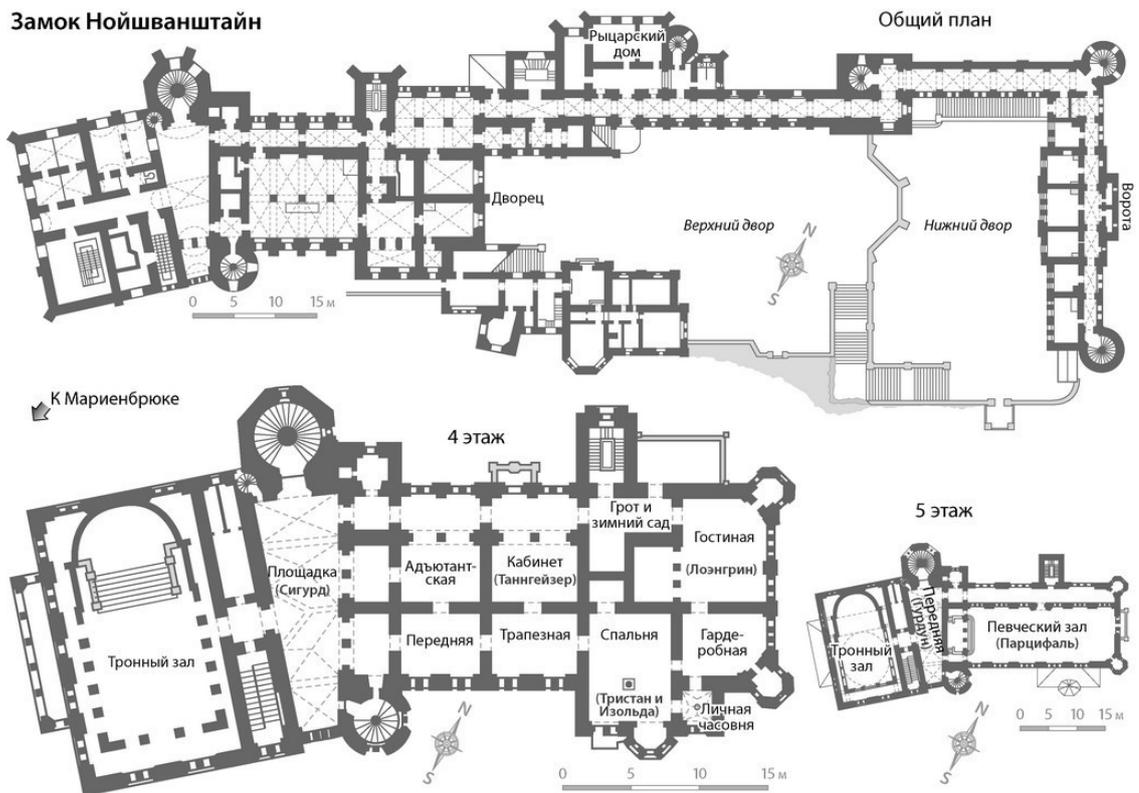
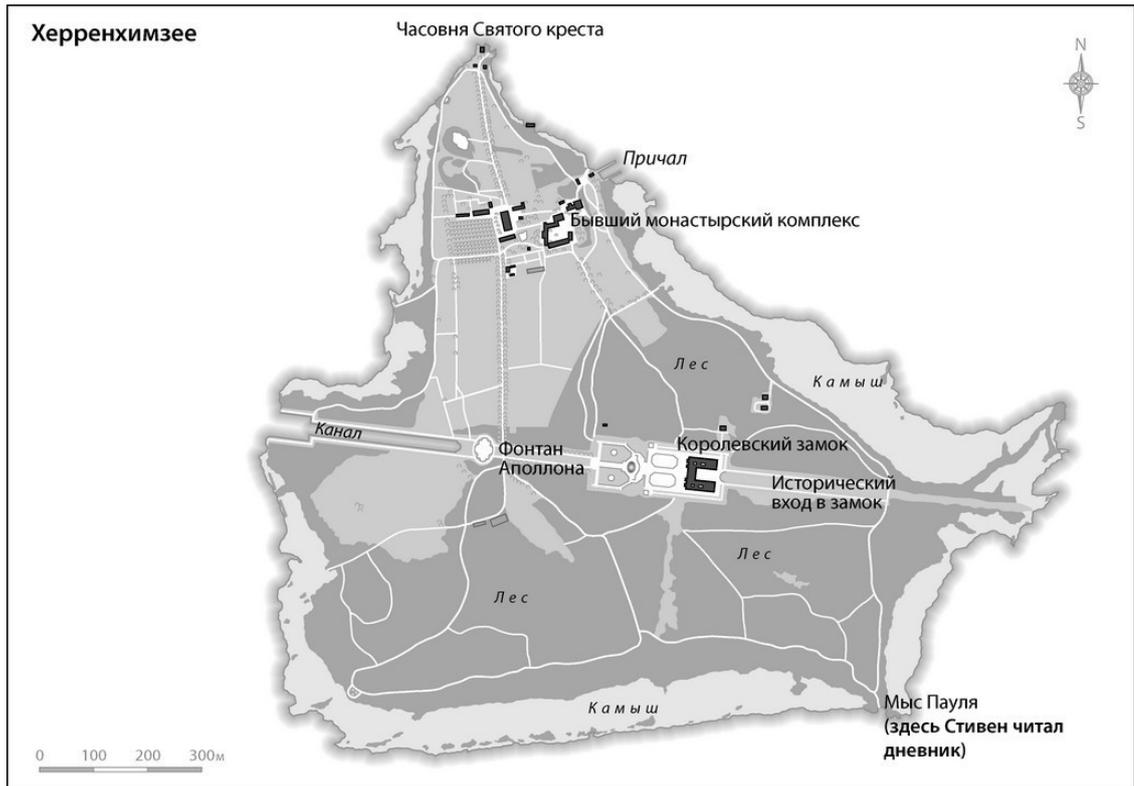

Моему отцу

История есть ложь, с которой все согласны.

Вольтер

Действующие лица исторической части романа

Людвиг II – король Баварии

Профессор Бернхард фон Гудден – немецкий психиатр

Доктор Макс Шляйс фон Лёвенфельд – королевский лейб-медик

Теодор Марот – ассистент лейб-медика (не является исторической фигурой)

Граф Альфред Экбрехт фон Дюркхайм-Монмартен – королевский адъютант

Рихард Хорниг – королевский конюх и неизменный спутник Людвига II

Герман фон Каульбах – художник

Мария – служанка Людвига II (не является исторической фигурой)

Барон Иоганн фон Лутц – председатель совета министров Баварии

Граф Максимилиан Карл Теодор фон Хольнштайн – королевский обершталмейстер

Карл фон Штрелиц – прусский агент (не является исторической фигурой)

Прочие исторические личности

Король Максимилиан II – отец Людвига II

Мария Фридерика Прусская – мать Людвига II

Отто I – младший брат Людвига II и позднее король Баварии, душевнобольной

Принц Луитпольд – дядя Людвига II, позднее принц-регент

Императрица Австрии Елизавета (Сиси) Баварская – кузина Людвига II и его доверен-

ная

Князь Отто фон Бисмарк – канцлер Германии

Рихард Вагнер – композитор

Несколько слов во вступление...

В ночь с 13 на 14 июня на мелководье Штарнбергер-Зее обнаружены трупы двух мужчин. Оба из числа самых известных людей своего времени: признанный во всей Европе психиатр Бернхард фон Гудден и король Баварии Людвиг II, которого позднее увековечит прозвание «сказочного короля».

Созванная в срочном порядке следственная комиссия пришла к заключению, что король, тремя днями ранее признанный сумасшедшим, задушил своего психиатра, а после совершил самоубийство.

Так звучит официальная версия.

Наряду с ней существует еще множество других, основанных на многочисленных неувязках той роковой ночи и последующих дней. Как следствие, «дело Людвига» стало одним из самых известных и таинственных смертельных случаев в мировой истории. Дело, которое и по сей день вызывает широкий резонанс. Даже по прошествии 125 лет после смерти Людвига некоторые эксперты сомневаются в одобренном властью заключении.

Многие детали романа вымышлены, но еще больше основаны на серьезных научных источниках и свидетельствах очевидцев. С этой информацией каждый может ознакомиться в Интернете или публичной библиотеке.

Из всего этого рождается сюжет столь невероятный, что любой сколь-нибудь здравомыслящий писатель лишь покачает головой.

Или возьмется за перо и напишет такую историю...

Пролог

Где-то в окрестностях Мюнхена, октябрь 2010

Король достал телефон и прочел сообщение. Профессор Пауль Либерманн у его ног отплевывался кровью и хвойными иголками.

Сообщение, похоже, пришлось не по душе Его Величеству. Он вскинул брови и сокрушенно покачал головой, словно испытал разочарование. Затем носом ботинка ткнул распротертого на земле человека, чтобы удостовериться, что тот еще не задохнулся. Пауль Либерманн застонал и закашлялся, выплюнув еще несколько иголок. Все вокруг было окутано туманом и казалось таинственным, и несколько иссохших сосен тянулись верхушками в ночное небо.

– Я... я правда не понимаю, чего вы хотите от меня, – прохрипел профессор и со стоном перевернулся на спину. – Это, должно быть, какая-то ошибка... ужасная ошибка.

– Ужасно. Действительно, – пробормотал король. – Я в крайнем негодовании.

На нем был костюм из тончайшего английского твида, красный шелковый шарф и плащ, подбитый белым мехом. По краю подола поблескивали брызги крови.

«Моей крови, – подумал профессор. – Сколько же ее пролилось. А с виду как будто черные точки на горностаевом мехе... Это точно горностаи?»

Сказать с уверенностью он не мог. Левый глаз полностью заплыл, а на правом засохла кровь. Очки, разбитые и погнутые, валялись где-то в кустах. Шляпу и трость он потерял еще в машине. К небу прилипли остатки прелой листвы, которую двое громил заталкивали ему в рот, пока профессор не начал задыхаться. Кроме того, до сих пор давала себя знать инъекция.

Они настигли его всего в нескольких шагах от букинистической лавки. Заслышав шум мотора, профессор Либерманн понял, что пора действовать. Он спрятал книгу и вышел на улицу, чтобы не выдать человека в лавке. Один укол – и ученый повалился в объятия двух крепких мужчин. Его затолкали в машину, и всего через несколько секунд он потерял сознание, а очнулся уже в этом перелеске, среди грибов и иссохших кустов ежевики. Осеннее безмолвие прерывали лишь крики нескольких ворон, и где-то в отдалении, едва различимо, слышался гул машин.

Вот уже два часа профессора Либерманна методично били: в живот, в лицо, в пах. Между тем на лес опускались сумерки, король и его спутники виделись лишь темными силуэтами на еще более темном фоне.

Издали его действительно можно принять за Людвига. Какая ирония! Кто бы мог предположить такое...

Либерманн ничего им не сказал. В какой-то мере ему помогло врожденное упрямство, а возможно, и его прошлое. Пауль Либерманн был в свое время профессором истории в университете Йены и известным противником системы. За два года, которые он провел за решеткой в Бауцене, с ним происходило такое, что он до сих пор вскакивал по ночам. Там Либерманн научился сносить побои. И он скорее язык себе откусит, чем выдаст тайну.

Тайна книги оберегалась более сотни лет, и он не имел права проболтаться сейчас. Только не теперь, когда он так близок к цели!

Последствия от инъекции обрушились на него, как удар молота. Профессор еще помнил безлюдную улицу в Западном квартале и автомобиль, похожий на старый «Вартбург». Но следующие несколько часов слились в один сплошной кошмар. Все, что было до укола, тоже, как ни странно, казалось туманным. Последним, что сохранилось в памяти профессора, были мюсли, которые он ел на завтрак и остатками которых его вырвало некоторое время назад.

– Может, еще над ним поработать? – спросил один из мордovorотов, которых Либерманн, как и короля, видел довольно расплывчато. – У меня есть еще в запасе несколько приемов. Это уж точно развяжет ему язык.

– Думаю, это бессмысленно. – Король спрятал телефон в складках плаща и посмотрел на профессора. – Этот человек упрям, как старый осел. К тому же насилие вызывает у меня отвращение. – Он вздохнул. – Как мне только что доложили, обыск в его номере тоже ничего не дал. Гавейн с Тристаном всё там переворовали. Если б я только знал...

Он замолчал и огляделся. Земля вокруг была укрыта листвой и бесчисленными клочьями бумаги. Среди них, как сломанная кукла, лежал, скорчившись, связанный профессор Либерманн. Испачканный грязью обрывок бумаги щекотал ему нос. Буквы расплывались перед глазами. Лишь с некоторым запозданием какие-то из них стали обретать смысл. Похоже, это была строфа из стихотворения.

Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул...¹

Несмотря на свое положение, профессор усмехнулся. Он всегда тяготел к романтизму, и «Лесной царь» был его любимым стихотворением. Ни одна баллада не символизировала тягу к смерти и слияние с природой так, как эти строки. Теперь Пауль Либерманн сам оказался лицом к лицу с лесным царем.

Дитя, оглянися, младенец, ко мне...

– *Mon Dieu!*²

Король шаркнул ногой по сырой земле, взметнув листву и клочки бумаги. Белый плащ заколыхался на холодном октябрьском ветру. Его Величество походил на огромного жирного лебедя.

– Где же эта чертова книга? – прошипел он. – Мы почти заполучили ее, а что в итоге? Ничего, кроме чертовых стихов! – Он укусил кулак и попытался успокоить дыхание. – Но мне не следовало рвать книгу. Если и есть что-то постоянное в этом мире, так это искусство. Лишь над искусством время не имеет власти! Почему вы не остановили меня?

Последние слова были адресованы двум головорезам. Оба неуверенно уставились на свои перепачканные в крови кулаки.

– Все... все произошло так быстро, Ваше Величество, – пробормотал один из них. – Вы держали книгу в руках и...

– Ай, *arrêtez!*³

Король махнул рукой и принялся массировать лоб. Казалось, его мучила головная боль. Он нервно провел языком по губам, а потом без всякого предупреждения пнул профессора в живот.

– Что ты сделал с книгой? Куда ты ее дел? – закричал он. – Она моя! Только моя!

Пауль Либерманн застонал и выплюнул кровь, перемешанную с листвой и клочками бумаги. Затем свернулся в клубок, чтобы защититься от новых ударов. Но их, к счастью, не последовало.

Профессор сомневался, что и дальше смог бы выносить эту пытку. Быть может, в конце концов он все-таки выдал бы тайну?

Не отступайся! Королевская династия в опасности!

¹ Пер. В. А. Жуковского.

² Господи! (фр.)

³ Перестаньте! (фр.)

Напевая себе под нос, король опустил на корточки перед профессором и стал пересыпать в руке землю вперемешку с обрывками бумаги.

– Природа и искусство, – проговорил он. – Есть ли на свете что-то прекраснее? Нам бы стоило вспомнить древние мифы, когда природа с искусством представляла собой одно целое. Близится гибель богов, долой ложные идолы...

Он неожиданно замер и уставился на клочок бумаги в руке. А потом захихикал.

– Конечно! – прыснул король и, словно маленькая девочка, прикрыл рот ладонью. – Та же самая обертка, только книга другая. Вы... надутые идиоты! – На последних словах Его Величество вновь сорвался на крик и ткнул бумажкой под нос своим прислужникам. – *Вот где вам следовало искать! Merde!*⁴ Я прикажу глаза вам всем повыкалывать! Всем!

Король замолчал, и во взгляде его появилось какое-то безучастное выражение. Он шагнул к профессору, склонился над ним и невозмутимо достал из-под плаща маленький старинный пистолет с рукоятью в виде птичьей головы.

– Старый хитрец, – прошептал он. – Вы, чиновники, все как один, сборище интриганов. Твой план почти сработал. Но тебя выдало это.

Король поднес к незаплывшему глазу профессора клочок грязной бумаги. Либерманну вновь потребовалось некоторое время, чтобы составить из набора букв осмысленное целое. Похоже, это был оттиск, своего рода экслибрис, выполненный в старинном стиле. Профессор сумел различить имя и адрес.

БУКИНИСТИЧЕСКАЯ ЛАВКА ЛУКАСА

Редкие и ценные книги

XVII–XIX вв.

Цены по запросу

В голове у Либерманна словно прозвучал колокольный звон. Нельзя подвергать опасности человека в лавке. Иначе все пропало!

– Послушайте, – начал он. – Я... я могу достать для вас книгу. Дайте мне час, и я...

Однако король, похоже, потерял к нему всякий интерес. Он приложил палец к губам, с сожалением покачал головой и тихо произнес:

– Почтенный профессор, благодарю вас за оказанную помощь. Но вы, конечно же, понимаете, что ваше дальнейшее существование может помешать моим великим замыслам. По крайней мере, вы умрете за хорошее дело.

Король приставил пистолет ко лбу почтенного профессора Либерманна и спустил курок. Мозги брызнули на землю, бледной массой покрыв листву и обрывки «Лесного царя».

– А теперь заберем наконец то, что принадлежит мне по праву, – прошипел король и прошествовал по лесу с таким видом, словно возглавлял невидимый парад.

Пустые глаза профессора уставились в темнеющее октябрьское небо и на кружащих ворон.

⁴ Дерьмо! (фр.)

1

В букинистической лавке, что в Западном квартале Мюнхена, Стивен Лукас сидел за старым столом красного дерева и смотрел, как постепенно темнеет чай в кружке. Нос приятно щекотал аромат бергамота и апельсиновой цедры. Стивен подержал ситечко еще с минуту, затем вынул и аккуратно положил на блюде рядом с потрепанными книгами.

Пока над чашкой поднималось маленькое облачко пара, букинист окинул взглядом свои скромные владения. Он очень надеялся, что в ближайшие пару часов ему никто больше не помешает. Снаружи серел хмурый октябрьский вечер, и в извилистых проходах лавки царил полумрак. Стеллажи высотой до самого потолка отбрасывали тени, словно могучие деревья. В дальней части, возле двери, ведущей в хранилище и архив, стоял латунный светильник пятидесятых годов, и на письменный стол падал теплый желтый свет. Пахло чаем, кожей и старой бумагой. Тишину прерывало лишь тиканье старых маятниковых часов XIX века, которые Стивен приобрел в лучшие времена на блошином рынке.

Лукас умиротворенно вздохнул и взял верхнюю книгу из стопки по правую руку. Переплетенный в бурюю кожу фолиант был последним его приобретением. Букинист раскрыл книгу и стал с благоговением перелистывать страницы. Это было одно из первых изданий сказок братьев Grimm 1837 года. Иллюстрации – великаны, гномы, отважные принцы и исполненные тоски принцессы – местами поблекли, а некоторые страницы и вовсе были выдраны. Тем не менее книга была в превосходном состоянии. По расчетам Стивена, за нее можно будет запросить пять тысяч, если не больше. Он отыскал ее на чердаке у недавно почившей пожилой дамы в Богенхаузене, элитном квартале Мюнхена. За этот фолиант и пару ящичков других книг Стивен вручил растерянному внуку три сотни. Невежда мигом спрятал деньги и ни о чем не расспрашивал. Должно быть, в бумагах он смыслил лишь в том случае, если на них были напечатаны столбики цифр.

Лукас улыбнулся, размешивая сахар в кружке. Ему крупно повезло с покупкой. В теории это позволило бы оплатить аренду на полгода вперед. Однако он понимал, что не сможет расстаться с книгой. Старинные книги были для Стивена как наркотик, и от одного лишь запаха пожелтевшей бумаги он чувствовал слабость в теле. Ему нравилось вслушиваться в шелест страниц, ощущать жесткий исписанный пергамент под пальцами. Это было чувство счастья, сопровождавшее его с детских лет и ни с чем не сравнимое.

Букинист задумчиво перелистывал страницы и рассматривал раскрашенные вручную рисунки. Сколько же поколений держали эту книгу в руках? Сколько дедушек читали из нее своим внукам? Стивен помешивал ложечкой в кружке и пребывал при этом в мире замков, волков, колдуний и добрых фей. Он родился в Соединенных Штатах, в Массачусетсе, где Германия по-прежнему ассоциировалась с темными лесами, замками и романтическими скалами вдоль Рейна. В детстве Стивен приходил в восторг от всего этого, но с возрастом пришло понимание, что автобанам и торговым центрам немцы придавали куда как больше значения, нежели мистике. Старая, сказочная Германия существовала лишь в воображении американских и японских туристов.

И, конечно же, в книгах...

Пронзительный звон дверного колокольчика вывел его из задумчивости. Стивен раздраженно поднял голову и тихо вздохнул. Похоже, этот вечер пройдет не так уж мирно, как он надеялся.

– Фрау Шультхайс, – промолвил Лукас и отпил чая. – Чем обязан?

Пожилая женщина без лишних церемоний вошла в лавку и сняла очки, которые носила, несмотря на морозящий снаружи дождь. Затем сверкнула маленькими глазками и попыталась изобразить улыбку на раздраженном лице.

– Вам это прекрасно известно, господин Лукас. Я подумала, что нам следует еще раз обсудить цену. Мой муж увеличит компенсацию еще на две тысячи, если вы...

– Фрау Шультхайс, – перебил ее Стивен и показал на стеллажи, на которых теснились книги, старые журналы и папки с открытками. – Эта лавка для меня своего рода дом. Вы бы съехали из своей чудной квартиры только потому, что кто-то предложил вам несколько тысяч?

Фрау Шультхайс пренебрежительно взглянула на полки, когда-то дорогие, но теперь истершиеся. Их покрывал слой пыли, фанера местами уже расклеивалась и прогнулась под тяжестью книг. В проходе стояли несколько ящиков с приобретенными недавно сокровищами, которые дожидались, чтобы их расставили по местам. Непрошенная гостья пожалала плечами, при этом холодная улыбка не сходила с ее лица.

– Это, с вашего позволения, не квартира, а неухоженная книжная лавка.

– Не книжная, а *букинистическая*, – поправил Стивен. – Если это говорит вам о чем-то. Фрау Шультхайс нахмурилась.

– Пусть будет букинистическая. Но уж точно не квартира. А если б и была ею, то жить мне тут вряд ли захотелось бы.

Женщина осеклась, осознав, что это был не самый лучший ее ход.

– Господин Лукас, – продолжила она мягче. – Когда вам в последний раз удалось что-то продать? Две недели назад? Или месяц? Здесь не место книгам. Может, когда-то было иначе. Но теперь люди предпочитают покупать в этом квартале одежду и обувь, а после отдохнуть за порцией латте. Мой бутик в сочетании с лаундж-кафе впишется сюда просто идеально. Не понимаю, почему вы, будучи американцем...

– Мой отец был американцем, фрау Шультхайс, – перебил ее Стивен. – Я вам тысячу раз говорил. Я такой же немец, как вы или канцлер. Да и что я, по-вашему, должен делать? Продавать гамбургеры и пончики?

– Вы меня неправильно поняли, – ответила фрау Шультхайс. – Я лишь хотела сказать...

– Если вас интересуют рисунки восемнадцатого столетия или литература эпохи Просвещения, можете осмотреться, – резко произнес Стивен. – В противном случае попрошу вас удалиться.

Фрау Шультхайс поджала и без того тонкие губы, потом развернулась и, не сказав ни слова, направилась к выходу. Звякнул дверной колокольчик, и Стивен вновь остался один.

Букинист сделал еще один глоток из кружки. Чай стал неприятно теплым. Эта женщина просто так не отступится! Она предлагала уже восемь тысяч, если он расторгнет договор аренды со старым Зайтцингером и уступит ей лавку. Прежде Курт Зайтцингер держал здесь столярную мастерскую, но уже лет двадцать как отошел от дел. Стивен, когда получил диплом по литературоведению в университете Людвига-Максимилиана, сразу влюбился в эту лавку. Он до сих пор мог уловить здесь запах дерева и опилок. И ни разу не пожалел о своем решении открыть здесь букинистический магазин. Правда, в то время Вест-Энд был еще рабочим кварталом и населяли его по большей части иностранцы и студенты. Теперь же бутики, парикмахерские и бары появлялись здесь как грибы после дождя. Вест-Энд превратился в модный квартал, и «Букинистическая лавка Лукаса», казалось, принадлежала другой эпохе. Даже одежда Стивена в глазах многих здешних обитателей не соответствовала времени. Другие люди в его возрасте носили пестрые облегающие свитера, сникеры и бейсболки; Стивен же тяготел к твиду и вельвету. Их сочетание в одежде вкупе с зачесанными назад серыми волосами и очками придавали ему вид обедневшего английского дворянина. В какой-нибудь шотландской крепости его можно было принять за законного наследника, но здесь, в Вест-Энде, Лукас иногда чувствовал себя на двадцать лет старше. При том, что всего пару месяцев назад он в одиночестве справил сороковой день рождения.

Стивен встал со вздохом из-за стола и прошелся по своей маленькой лавке, в которую почти двадцать лет вкладывал столько денег и сил. Он с любовью проводил рукой по корешкам книг, что-нибудь поправлял или переставлял некоторые экземпляры по своим местам. В конце концов принялся разбирать один из ящиков, доставшихся от покойной дамы из Богенхаузена, и расставлять книги по свободным местам на полках. Среди добытых работ был путеводитель Бедекера по Бельгии 1888 года, книга по шахматам XVIII века и труд Шелтона по стенографии «Тахиграфия» в одном из поздних изданий. Настоящие сокровища. Но вот удастся ли их когда-нибудь продать, оставалось под вопросом.

В одном фрау Шульцхайс была права: дела у него шли неважно, если не сказать паршиво. Собственно, его дело никогда и не процветало, но Стивен не обращал на это внимания до тех пор, пока мог сколько душе угодно копаться на блошиных рынках, в библиотеках и других букинистических лавках. Однако внушительное некогда наследство родителей иссякло, и он вынужден был обратиться к нижайшему из аспектов человеческого существования – заработку денег.

Если кто-то и заходил в лавку, то это были в основном прохожие, которым не хотелось мокнуть под дождем в ожидании следующего автобуса. Другие надеялись купить у него последнюю книгу Дэна Брауна или дешевое издание Перри Родана. Не говоря уже о пьяных туристах с Октоберфеста⁵, разыскивающих общественный туалет.

Но благородного вида господин в очках и с тростью из слоновой кости, зашедший в лавку ближе к полудню, стал исключением. Он проявил живой интерес к прежней жизни букиниста и подробно расспрашивал о раннем издании дневника Сэмюэла Пипса. Редкая книга, которую Стивен раздобыл совсем недавно, высоко ценилась среди знатоков.

Однако, несмотря на его осведомленность, вид у этого человека был какой-то потерянный, даже затравленный. Он судорожно сжимал в руках что-то завернутое в серую бумагу – должно быть, большую книгу. Когда Стивен спросил об этом, мужчина лишь улыбнулся и прошептал что-то уж совсем невразумительное.

Королевская династия под угрозой...

Стивена смутил и беспокойный взгляд незнакомца. Несколько раз он оглядывался на витрину, словно снаружи его что-то подстерегало... Когда же Лукас ушел на несколько минут в хранилище, чтобы достать дневник Пипса, незнакомец просто исчез.

Стивен невольно усмехнулся.

«Чудаки и старые дурни, – подумал он. – Больше в мою лавку никто и не заходит. Того и гляди сам стану таким же... А может, я уже в их числе?»

Стивен продолжал разбирать ящики и расставлять книги по полкам, каждую согласно своей предметной области. То и дело взбирался по узкой лесенке и при этом гудел себе под нос «Смерть и деву» Шуберта.

И в какой-то момент замер на месте.

На уровне глаз, между старой Библией в кожаном переплете и антикварным изданием Мольера, стоял увесистый фолиант, которого Стивен прежде не видел. Он взял книгу и с удивлением обнаружил, что вместо бумаги она составлена из клееного дерева и кожаным был только корешок. Должно быть, фолиант представлял собой один из тех тайников, в которых благонравные отцы семейств раньше прятали бутылки со спиртным или сигары. Стивену вспомнились коробочки, в каких мальчишки иногда хранили шарики, перочинные ножи и фигурки «Лего». В детстве у него самого имелась такая шкатулка.

Охваченный любопытством, Стивен раскрыл ее. И внезапно ощутил странное покалывание, природу которого постичь был не в силах. У него потемнело в глазах, и он едва не

⁵ Октоберфест – фольклорный фестиваль, ежегодно проводимый в Мюнхене, самое большое народное гуляние в мире.

свалился с лестницы. Чувство было такое, словно его схватила чья-то невидимая рука. Затем все снова стало как прежде – остался лишь горьковатый, почти жгучий привкус на нёбе.

Какого черта, что это было? Какие-нибудь духи? Или краска? Может, у меня какая-нибудь аллергия?

Стивен осторожно слез с лестницы и заглянул в шкатулку. Из нее пахло плесенью. Стенки были обиты темной материей. Внутри лежали несколько выцветших фотографий и перевязанный шелковой лентой локон черных волос. И ценного вида книжица. В обложке из синего бархата и украшенная слоновой костью, книга выглядела как колдовская. Стивен провел рукой по контурам рыцаря с мечом, плывущего верхом на лебеде по синему бархату, инкрустированным белым цветам и листьям. Когда он подул внутрь шкатулки, взметнулось облачко пыли. От запаха снова закружилась голова.

Стивен снова почувствовал прикосновение призрачной руки. Он закрыл глаза, снова открыл. В горле стало сухо, словно он пил ночь напролет. Букинист встряхнул головой и попытался сосредоточиться.

Соберись, не валяй дурака! Это всего лишь старинная шкатулка.

Первое, на что он обратил внимание, это фотографии. Судя по всему, они были сделаны в последней трети девятнадцатого столетия. На черно-белых снимках позировал мужчина лет тридцати. Он в различных позах сидел на деревянном вращающемся стуле, а рядом стоял пожилой полноватый господин. На некоторых фотографиях он ласково держал левую руку на плече младшего. Было в его облике что-то от медлительного, добродушного великана. Может, иссохший локон в шкатулке принадлежал кому-то из мужчин? Все-таки и у того, и у другого волосы были черные...

Стивен положил фотографии и локон обратно в шкатулку и задумчиво посмотрел на книгу с инкрустацией из слоновой кости. Перелистнул несколько страниц и насторожился. Листки тончайшей бумаги были исписаны странными каракулями и иероглифами. Это походило скорее на тайнопись. Быть может, это действительно старинная колдовская книга? Сердце у Стивена забило в ускоренном ритме. Он знал, что за подобные гримуары предлагали баснословные суммы. Всевозможные «белые маги» и прочие эзотерики буквально из кожи вон лезли, чтобы заполучить нечто подобное. Впрочем, название было вполне разборчивым. Стивен нацепил очки и прочел блеклую надпись.

*Записи Теодора Марота,
ассистента доктора Макса Шляйса фон Лёвенфельда*

Стивен потерял глаза. Прежде книга или шкатулка еще ни разу не попадались ему на глаза. Или... Было странное чувство, что он видит эти предметы не впервые. Тем не менее букинист при всем желании не мог вспомнить, как этот ящичек попал к нему. Во всяком случае, среди имущества старой дамы из Богенхаузена его не было. На такую приметную вещицу Стивен наверняка обратил бы внимание. И все, что он приобрел за последнее время на блошиных рынках, было скрупулезно описано и занесено в архив. Так как же эта шкатулка оказалась в лавке?

Стивен вновь взялся за фотографии. Он вдруг понял, что где-то уже видел этого пожилого исполина. Не такого тучного – но глаза, борода и густые черные волосы были те же. Облик поистине величественный и внушительный.

Стивена поразила неожиданная догадка.

Возможно ли это?

Букинист задумчиво коснулся одной из фотографий. Потом со шкатулкой в руках прошел в хранилище. Там стояли стопки книг, уже внесенных в список, которые следовало расставить по переполненным полкам. Стивен принялся лихорадочно копаться в ящиках в

поисках дешевой книжки, которую обнаружил несколько дней назад на блошином рынке недалеко от Олимпийского парка. Наконец в третьем по счету ящике он нашел что искал.

Потрепанная книга представляла собой исследование баварской королевской династии, изданное в начале XX века. На приведенных иллюстрациях в величественных позах были представлены все Виттельсбахи, начиная Максимилианом I и заканчивая Людвигом III, последним королем Баварии, неуклюжим дураком, вынужденным в конце Первой мировой войны отречься от престола. Стивен торопливо перелистывал страницы, пока не отыскал нужное изображение. Вот он! Со страницы на него смотрел красивый молодой мужчина с черными волосами. Пока без бороды, но прическа была та же. Как и отсутствующий взгляд, которым он взирал на мир вплоть до своей загадочной смерти. На нем был синий камзол, с плеч ниспадал подбитый горностаем плащ.

Стивен улыбнулся. Несомненно, тучный незнакомец на фотографиях есть не кто иной, как король Людвиг II, прозванный также «сказочным королем». Это был, наверное, один из самых известных немцев. Даже в Китае или Серенгети на кружках или футболках красовалось его молодое лицо.

Стивен еще раз сравнил фотографию с портретом в книге. Судя по внешности монарха, снимок был сделан в поздние годы. Но ошибки быть не могло – в шкапулке действительно лежали фотографии баварского короля. Возможно, сделанные незадолго до его смерти! Может, даже неопубликованные?.. Стивен знал, что в определенных кругах мог получить за них внушительную сумму. Проблема аренды казалась теперь сущим пустяком.

В этот миг снова звякнул дверной колокольчик.

Стивен раздраженно убрал книгу и фотографии в шкапулку, потом задвинул ее на полку и направился обратно в лавку. Когда же его наконец оставят в покое? Уже семь часов. Какого черта им понадобилось перед самым закрытием? Или это опять фрау Шульхайс с новым предложением?

– Вообще-то мы уже закрываемся, – начал он с некоторым недовольством. – Вот если вы заглянете...

Взглянув на посетителя лет шестидесяти, Стивен понял, что человек этот забрел сюда не случайно. Он был в старомодном пенсне, высок и худощав, с высоким лбом и сединой в редких волосах. Костюм на нем был из тех, какие предпочитали носить состоятельные пожилые люди с Тегернзее⁶. Во всем его облике чувствовался непререкаемый авторитет.

– Я не задержу вас надолго, обещаю, – произнес незнакомец скрипучим голосом и взглянул на Стивена сквозь стекла пенсне. – Меня интересует лишь *специфическая* литература.

У Стивена по спине пробежал холодок.

– Какого жанра литература? – спросил он и слабо улыбнулся. – Если вас интересует Людвиг Тома или Оскар Мария Граф...

– Меня интересуют свидетельства очевидцев времен короля Людвига Второго, – перебил его незнакомец. – Есть у вас что-нибудь в этом роде, господин...

– Лукас. Стивен Лукас.

Стивен продолжал улыбаться, но чувствовал себя все более неуютно. Пожилой господин буквально пронизывал его взглядом, так, словно по какой-то причине не верил букинисту. Затем незнакомец внимательно оглядел стеллажи. Он определенно что-то искал.

Свидетельства очевидцев времен короля Людвига II...

Стивен старался сохранять спокойствие и не подавать виду. Но при этом он лихорадочно соображал. Это действительно совпадение или незнакомец знал о фотографиях? Может, он явился за шкапулкой?

⁶ Тегернзее – озеро, расположенное в Германии, в Баварии, в предгорьях Альп; престижный курорт.

– Вы в раздумьях, – произнес господин и с любопытством взглянул на букиниста.

– Нет. К сожалению, я ничем таким не располагаю. Но я могу записать ваш номер и, если что-нибудь раздобуду, дам знать.

Стивен принял решение в считанные секунды. Этот человек не вызывал у него доверия, весь его вид был ему неприятен. Он напоминал своими действиями некоторых баварских политиков, которые привыкли всегда получать то, что им заблагорассудится.

Но от меня ты ничего не получишь!

– Вы уверены, что у вас нет ничего такого? – допытывался незнакомец.

– Совершенно уверен. Дайте мне ваш номер...

Губы господина растянулись в тонкой улыбке.

– В этом нет необходимости. Мы к вам еще вернемся.

Он кивнул на прощание и вышел. Снаружи уже стемнело.

Чувство было такое, словно по лавке пронесся ледяной ветер и покрыл инеем все книги. Стивен поежился и подошел к витрине. Но незнакомец уже скрылся.

По стеклу стучал дождь.

* * *

Через некоторое время Стивен покачал головой и тихо рассмеялся. И что только на него нашло? Сначала то странное головокружение, когда он открыл шкатулку, а теперь еще и это!.. Он, в общем-то, был не из пугливых. Кроме того, в его лавку заходили и не такие субъекты. Пару лет назад во время Октоберфеста какой-то пьяный помочился на его витрину. А неприятные типы в костюмах встречались не только на фешенебельной Максимилианштрассе.

Взглянув напоследок на мокрую от дождя, тускло освещенную фонарями улицу, Стивен вернулся в хранилище и снова взял с полки шкатулку. Он вдруг испугался, что ее содержимое могло исчезнуть как по волшебству. Но, когда он поднял крышку, все было на месте. Выцветшие фотографии, локон черных волос, книга под синей бархатной обложкой...

Стивен ощутил вдруг жуткую усталость и голод. Он вспомнил, что с самого утра ничего не ел. Книга братьев Grimm, разговор с фрау Шульцхайс, визит незнакомца – разве вспомнишь тут о еде... Но теперь голод напомнил о себе с удвоенной силой. Стивен решил на сегодня закругляться, а дома позволить себе большую порцию пасты и бутылочку вина. Пока будут вариться спагетти, он внимательнее изучит странную книжку и фотографии. Если снимки окажутся подлинными, это будет равносильно маленькой сенсации. Стивен знал множество людей, готовых хорошо заплатить за такие фотографии. Окажись он перед выбором, чем оплатить аренду – иллюстрированным изданием сказок братьев Grimm или этими снимками, – Стивен не раздумывая расстался бы с фотографиями.

Довольный, Лукас спрятал шкатулку в потертую кожаную сумку, накинул габардиновый плащ и вышел на улицу. В лицо хлестнул влажный ветер. Слабый морозящий дождь перешел в настоящий ливень. Стивен натянул капюшон, запер дверь и поспешил домой. Он тихо выругался – как назло, велосипед пришлось оставить дома из-за проколотаго колеса. До его дома в районе Шлахтхоф было не так уж и далеко, но и шагать под таким ливнем удовольствия мало. Навстречу со стороны офисных центров, устроенных на месте старого выставочного комплекса, спешили бесчисленные служащие с зонтами и в дождевиках. В супермаркетах сновали запоздалые покупатели, торопливо набирали продукты и скрывались на парковках, нагруженные замороженной пиццей и упаковками суши.

Стивен прошел несколько улиц, и стало заметно тише. Перед ним в низине простирался Луг Терезы⁷, безлюдный и словно вымерший после Октоберфеста. Колесо обозрения и несколько павильонов еще не успели демонтировать, и они железными скелетами высились на ровной асфальтированной площади. Неподвижные аттракционы и заколоченные ларьки сверху выглядели как заброшенные дома города-призрака.

Стивен решил, несмотря на многочисленные лужи, сократить дорогу и пройти через Луг. Он повернул направо, вскоре показалась «Бавария»⁸ перед белой храминой Зала славы. Бронзовая скульптура высотой почти в двадцать метров, со львом и дубовым венком, всегда напоминала Стивену американскую статую Свободы. На углу Зала славы, прямо под бюстом короля Людвига I, устроился какой-то нищий на газетах и что-то бормотал себе под нос. После шумных улиц царящая вокруг тишина показалась Стивену какой-то неестественной.

Он осторожно спустился по широкой и скользкой лестнице. Сдутый воздушный шар, подхваченный ветром, пронесся мимо и скрылся в темноте. Пахло разлитым пивом и мусором. Погода стояла скверная, и, кроме него, на широкой, усеянной лужами площади никого не было.

Когда Стивен пересек Луг примерно наполовину, позади раздался крик. Казалось, кто-то позвал его тихим, скрипучим голосом.

Стивен испуганно обернулся: у статуи «Баварии» стояли три фигуры. Они были в темных накидках и капюшонах, что придавало им сходство с членами ку-клукс-клана. Каждый держал в руке по горящему факелу, и пламя колыхалось на ветру. Букинист зажмурился, потом вновь открыл глаза, но фигуры никуда не делись.

Странно, Хэллоуин ведь еще не скоро.

Для детей эти фигуры были слишком крупными и мощными. Они напоминали скорее тренированных боксеров в монашеских рясах. Стивеном вновь овладел тот необъяснимый страх, как до этого в лавке. Он неуверенно развернулся и двинулся дальше. Но не прошел и нескольких метров, как ускорил шаг, а потом и вовсе побежал. За спиной сквозь шум дождя слышался топот.

Эти люди преследовали его!

Стивен оглянулся и увидел в темноте три красные точки. Они подпрыгивали и медленно, но неумолимо приближались. Так эти люди действительно гнались за ним? Может, из-за этой странной шкатулки? Стивен бежал не останавливаясь, пока не почувствовал во рту железный привкус крови.

Он мчался по безлюдному Лугу, в темноте похожему на черное море, готовое проглотить свою жертву. Справа и слева открывались проходы к пустующим пивным ларькам. Впереди, словно скелет динозавра, высилась громадина американских горок. Противоположная сторона, отмеченная уличными фонарями, казалась недостижимой. За каждым ларьком и фургоном, в каждой нише Стивену мерещились преследователи в капюшонах.

Он угодил ногой в лужу, споткнулся о решетку канализации и растянулся на мокром асфальте. Сумка выпала из рук. Пока Стивен лихорадочно шарил в ее поисках, сзади вновь слышались шаги. Они определенно стали ближе, Лукас различал всплески воды под ботинками. Где же чертова сумка?.. Где-то рядом слышался хруст, словно кто-то наступил на осколки пивной кружки. Потом этот кто-то запыхтел и закашлялся. Внутренний голос подсказывал Стивену: сумку нельзя потерять ни в коем случае! Хоть он и не знал почему.

Наконец он нашарил сумку среди мусорных пакетов. Схватив ее, быстро вскочил и побежал дальше, пока впереди не показались спасительные фонари. Окончательно запыхав-

⁷ Луг Терезы (Theresienwiese) – место проведения Октоберфеста.

⁸ «Бавария» – бронзовая статуя перед Залом славы, олицетворяет покровительницу Баварии (высотой 18,1 м).

шись, букинист пробежал между старыми липами и наконец оказался на Бавариаринг, по другую сторону Луга.

Он оглянулся. Люди с факелами пропали из виду. Сигналили машины, светофор переключился на зеленый, мимо деловито шагали прохожие.

Стивен вернулся в большой город.

Кто, черт возьми, или что это было?

Стивена била дрожь. До сегодняшнего дня, проживая в самом дорогом и красивом городе Германии, он чувствовал себя в безопасности. Теперь же, после того как его чуть было не ограбили в самом центре, да еще странные типы в монашеских одеяниях, он взглянул на Мюнхен совсем иначе. Узкие улочки его родного квартала, тусклые фонари и высокие старинные дома, не тронутые войной, вдруг показались ему чужими и зловещими.

* * *

Спустя еще четверть часа Стивен добрался наконец до своего дома, расположенного на Эренгутштрассе, недалеко от Мюнхенской скотобойни.

Он прислонился к двери, закрыл глаза и вслушался в знакомые звуки родного квартала: отдаленный звонок трамвая, сигналы машин, смех из многочисленных трактиров. Иногда, посреди ночи или перед рассветом, Стивен слышал, как мычат коровы и телята или визжат свиньи на бойне. Порой в воздухе даже чувствовался запах крови. Тем не менее он не мог представить себе жизнь в ином квартале. Здесь, в районе Изарфорштадт, недалеко от Южного кладбища, среди узких улочек и роскошных мостов через Изар, Стивен ощущал дух минувших столетий. Тот Мюнхен, который сохранился лишь в некоторых уголках города.

«Мюнхен, каким знал его некий Теодор Марот, – пришла в голову неожиданная мысль. – Неужели его записи так много значат, что меня уже преследуют из-за них?»

Вконец уставший, Стивен поднялся по бесчисленным ступеням на последний этаж. И только заперев дверь, заметил, что брюки на нем разорваны, руки грязные и во многих местах кровоточат, плащ вымок, как половая тряпка, а сумка забрызгана грязью. И его по-прежнему трясло.

Он решил, что первый бокал выпьет прежде, чем примется за спагетти.

2

Примерно через час, когда вина в бутылке оставалось меньше четверти, Стивен сидел на любимом потертом диване у себя в квартире. Он успел принять душ и переодеться. По окнам барабанил дождь, ветер усилился. Сквозь мокрые стекла можно было видеть огни Олимпийской башни, смутно угадывались строения Мюнхенской скотобойни.

Чтобы сесть, ему, как обычно, пришлось освободить диван от десятка книг. На журнальном столике громоздились пустые чашки, остатки сэндвичей и мятые газеты. В отличие от лавки, в квартире у Стивена не было и намека на порядок. В следующее воскресенье придет горничная и снова примется критиковать его образ жизни. Неизменный ритуал, во время которого полная Иоанна с польским акцентом предостерегала его от опасностей холостяцкой жизни.

Серьезных отношений у Стивена не было уже четыре года, и за это время он пришел к выводу, что лучшими подругами для него всегда будут книги. Их истории куда увлекательнее, а если и они вдруг наскучат, то их можно просто убрать на полку.

Стивен закрыл глаза. Из старых колонок лился Концерт для фортепиано Брамса. Перед ним стояла почти пустая бутылка «Монтепульчано». Он немного успокоился, и произошедшему на Лугу Терезы нашлось вполне тривиальное объяснение. Скорее всего, какие-нибудь подростки нацепили на себя монашеские рясы и пугали случайных прохожих. И он пустился от них наутек, точно напуганная курица! Мальчишки, наверное, до сих пор катаются со смеху...

Стивен покачал головой, удивившись собственному малодушию, и взялся за книгу из шкапулки. По счастью, ни шкапулка, ни ее содержимое не пострадали при падении. Лукас провел рукой по бархатной обложке, и вновь у него возникло чувство, что он уже где-то видел книгу. В памяти всплывали нечеткие образы из далекого прошлого. Но уцепиться за них не получалось – осталось лишь легкое головокружение да горьковатый привкус во рту.

Между тем Стивен уже не сомневался, что странные иероглифы представляли собой какой-то тайный шифр, но какой именно, сказать затруднялся. В свое время ему доводилось читать труд по криптологии XIX века. Но, насколько он помнил, в таких случаях, как правило, определенные буквы заменялись другими, и иногда использовались цифры. Но значки в книге напоминали скорее древнегерманские руны и на первый взгляд не заключали в себе никакого смысла. Стивен надел очки и внимательнее взглянул на первые символы.

Что бы это могло быть? Походило на детские каракули. Время от времени среди замысловатых иероглифов попадались ряды обычных заглавных букв, впрочем, лишенных какого-либо смысла. Стивену эти наборы букв ни о чем не говорили. Он перевернул несколько страниц и насчитал не меньше пяти таких комбинаций, хотя по всей книге их было немало. Первые три имели следующий вид:

ВМАМІЈН
МАОӦУ

VOYPIJPM

По окнам продолжал барабанить дождь. Стивен сделал большой глоток из бокала и снова прочел заглавие на первой странице.

ЗАПИСИ ТЕОДОРА МАРОТА, АССИСТЕНТА ДОКТОРА МАКСА ШЛЯЙСА ФОН ЛЁВЕНФЕЛЬДА

Он решил пока оставить загадочный шифр, прошел к рабочему столу и включил ноутбук. После загрузки ввел в строку поиска *Теодор Марот*, но получил лишь ссылки на Союз пловцов Австрии и канадскую фирму, торгующую строительной техникой. С Максом Шляйсом фон Лёвенфельдом дело обстояло лучше. Поисквик выдал около двухсот результатов. Стивен кликнул по первой ссылке, и пульс его заметно участился.

Из представленной информации следовало, что доктор Шляйс фон Лёвенфельд был лейб-медиком при короле Людвиге II, а до этого лечил его отца, короля Максимилиана II. После некоторых поисков Стивену попала научная статья. Выяснилось, что Лёвенфельд считался в то время одним из лучших врачей Баварии. Он по праву называл себя тайным королевским советником и умер в возрасте почти 90 лет богатым и уважаемым человеком. На черно-белом фото был представлен пожилой господин в очках, с задумчивым выражением лица, в плотно застегнутом камзоле и с цилиндром в руках. Окладистая борода придавала ему сходство с американским президентом Авраамом Линкольном.

Стивен взял фотографию из шкатулки и положил рядом с ноутбуком. Как и все остальные, она, очевидно, была сделана в ателье. На заднем плане угадывались бутафорские колонны и портьеры. Сидящий на стуле молодой человек, в хорошо скроенном костюме, обладал приятной наружностью, а зачесанные набок волосы и мягкие черты лица придавали его облику определенную женственность. Стивен уже не сомневался, что на фотографии не кто иной, как ассистент королевского лейб-медика.

Здравствуй, Теодор Марот, рад знакомству. Какую историю ты готов мне поведать? И что же такого невероятного в твоих записях, что тебе пришлось зашифровать их? Или... деликатного?

Стивен задумчиво взял из шкатулки прядь волос, перевязанную шелковой лентой. Когда-то очень давно волосы были черного цвета.

Как волосы короля...

Стивен допил вино и положил фотографию, книгу и прядь волос обратно в шкатулку. Потом открыл вторую бутылку, чтобы еще немного поразмыслить.

По всей видимости, содержимое шкатулки было куда более ценно, чем он предполагал вначале.

* * *

Проснувшись наутро под задорную мелодию Моцарта, Стивен пришел к выводу, что вино оказалось на пару градусов крепче обычного. Он с трудом нашарил будильник и выверенным движением прервал концерт Вольфганга Амадея. Поднялся, преодолевая головную боль, провел рукой по взъерошенным волосам. Бывают дни, когда особенно остро осознаешь, что тебе уже за сорок.

Шкатулка покоилась на письменном столе возле кровати. Она даже во сне не оставляла букиниста в покое. Стивен смутно припоминал, как задыхался под гигантской королевской мантией. И как люди в черных капюшонах хватили его обжигающими руками.

Лукас протер глаза и шаткой походкой отправился на кухню. В раковине высилась стопка грязной посуды. Букинист взял со стола раннее издание «Симплициссимуса» и осто-

рожно смахнул с нее крошки. Газета вышла незадолго до Первой мировой войны и заслуживала лучшей участи. Напевая себе под нос, Стивен насыпал в кофеварку свежемолотого кофе и включил радио. Музыка мгновенно его успокоила. До сих пор болело ушибленное колено и что-то колотилось по внутренним стенкам черепа, но, по крайней мере, забылись дурные видения. Стивен помассировал виски и, вслушиваясь в низкое звучание виолончели, задумчиво пригубил сладкого кофе. Вчерашние события – сначала визит странного господина, потом люди в капюшонах – совершенно вывели его из равновесия. И конечно же, не стоило забывать о шкатулке и ее невероятном содержимом. Почему он так терялся, стоило лишь взглянуть на нее?

Что ж, сегодня в лавке он внимательнее изучит ее под лупой. Если этот Марот действительно унес с собой в могилу какую-то тайну, Стивен сделает несколько звонков, заработает денег, и пускай фрау Шультхайс открывает свой бутик хоть на окраине Мюнхена. Стивен был хорошо знаком с миром букинистики и часто слышал слухи о том, что король Людвиг II мог быть гомосексуалистом. Ему самому не было до этого дела, но он прекрасно понимал, что некоторые газеты щедро заплатят за соответствующие доказательства. Этим денег хватило бы, чтобы на долгие месяцы забыть об арендной плате.

После горячего, обжигающего душа Стивен надел новый вельветовый костюм с белой рубашкой и твидовой бабочкой, положил шкатулку в кожаную сумку и отправился к себе в лавку.

За ночь небо очистилось, погода стояла солнечная и по-летнему теплая. В пивных садах пестрели осенние каштаны. Стивен неспешно брел по Лугу Терезы, теперь довольно оживленному, и прохожие были вполне доброжелательны. Даже не верилось, что еще вчера здесь же его преследовали трое неизвестных в капюшонах. С каждым шагом Лукас чувствовал себя лучше и почти не вспоминал о головной боли. Что и говорить, хорошее начало хорошего дня...

Но еще в пятидесяти метрах от лавки у Стивена появилось предчувствие, что сегодняшний день станет худшим за весь этот год.

* * *

Группа зевак перед лавкой разглядывала кучу осколков, еще недавно бывших витриной. Раскрытые книги лежали на тротуаре, как мертвые птицы. Пергаментные страницы были изорваны и забрызганы грязью. Но это было ерундой в сравнении с хаосом, который открылся взору, когда Стивен заглянул внутрь сквозь разбитую витрину.

Ощущение было такое, словно там произошло средней мощности землетрясение.

Один из больших стеллажей оказался опрокинут. Пол был устлан книгами, картами и открытками. Стивен заметил недавно приобретенную книгу по шахматам восемнадцатого столетия – кто-то рассек ножом кожаную обложку. На сборнике драм Мольера отпечатались грязный след ботинка, другие книги были выдраны из переплета, разорваны или измяты. Страницы, как палые листья, шелестели под порывами ветра. Единственным, что оставалось еще на месте, был стол красного дерева в глубине лавки. Сцена была до того жуткая, неестественная, что Стивен некоторое время неподвижно смотрел сквозь витрину. Как ни странно, но к жизни его вернула мысль лишь об одной книге.

Господи, только бы сказки братьев Гримм оказались нетронутыми!

Не обращая внимания на любопытствующих, Стивен подошел к лавке и открыл дверь. Попытался протиснуться внутрь, но помешали нагромождения книг, которые напирала на дверь с другой стороны. Некоторое время зрители как замороженные наблюдали за его отчаянными попытками продавить книжную массу. Только когда на плечо ему легла чья-то рука, он бросил это бессмысленное занятие.

– Это ваш магазин?

Перед ним стояла сотрудница полиции, еще молодая, лет двадцати пяти. Вид у нее был обеспокоенный. Ее старший коллега со скучающим видом дожидался в машине, припаркованной неподалеку.

Стивен молча кивнул, и девушка продолжила:

– Нам придется составить протокол, зафиксировать незаконное проникновение. Хотя это похоже скорее на чью-то хулиганскую выходку.

«Или фрау Шульгхайс готова любыми средствами открыть здесь свой бутик», – подумал Стивен.

Неужели она могла зайти так далеко? Наняла пару мордovorотов, чтобы немного ускорить процесс?

Эта мысль настолько заняла его, что он прослушал очередной вопрос от девушки-полицейского.

– Что-нибудь пропало? Может, уже удалось определить? – повторила она терпеливо и достала блокнот. – Деньги? Ценности?

Стивен взглянул на разбросанные по полу изорванные и перепачканные книги и тихо рассмеялся.

– Прошу прощения, глупый вопрос, – участливо проговорила девушка. – Сейчас мы оцепим место преступления и составим заявление. Потом вам, наверное, придется навести здесь порядок, чтобы сказать что-то определенное.

Она похлопала Стивена по плечу и с блокнотом в руках вернулась к коллеге. Тот официальным тоном разгонял любопытных.

Стивен не двигался с места и молча смотрел на развороченную лавку. Следовало поправиться: какой уж там год, сегодняшний день станет худшим за всю его жизнь.

3

– У вас открыто?

Лукас поднял голову и посмотрел сквозь разбитую витрину, которую наскоро заклеил скотчем. День уже клонился к вечеру. Холодный ветер задувал сквозь щели и трепал изорванные страницы на полу.

Сквозь паутину липкой ленты букинист увидел молодую темноволосую девушку в ядовито-зеленом платке. Старомодные солнечные очки придавали ей удивительное сходство с Одри Хепбёрн. Стивен всегда восхищался этой актрисой, но сейчас был просто не в настроении заводить беседу с ее клоном.

– Временно закрыто, – проворчал он и продолжил расставлять по полкам уцелевшие книги.

Рваные экземпляры отправлялись на прилавок, и стопки их за последние несколько часов заметно выросли. Ущерб оказался не таким огромным, как показалось вначале, – но достаточным, чтобы настроение было безнадежно испорчено. Реставрация старинных книг стоила безумно дорого. Стивен понимал, что у него никогда не будет денег, чтобы восстановить порядка сорока поврежденных экземпляров. По крайней мере, сказки братьев Гримм не пострадали. Букинист обнаружил ее чуть помятую, но невредимую под перевернутым стеллажом.

– У вас ревизия? – с интересом спросила девушка и показала на стопки книг, которые Стивен еще не успел осмотреть.

Он вздохнул.

– Если уж вам так интересно, то кто-то разгромил мою лавку. И я как раз пытаюсь навести здесь хоть какой-то порядок. Благодарю за внимание, всего доброго.

– О, – произнесла «Одри Хепбёрн». И спросила немного спустя: – Ничего не пропало?

– По-моему, вас это не касается.

Прозвучало грубее, чем хотелось, но Стивен был уже на пределе своих сил. Возня с поврежденными книгами стоила ему больших усилий, чем он сам готов был признать. Как ни странно, пропала всего одна книга – томик немецких баллад, не представляющий особой ценности. Возможно, Стивен просто еще не нашел его среди завалов. Поэтому в полицейском участке он заявил, что ничего не пропало. Местный сотрудник любезно, хоть и немногословно сообщил, что расследование вряд ли к чему-то приведет. Лукас вернулся к себе в лавку и до вечера разбирал завалы и размышлял.

Все это время Стивен раздумывал, кто бы мог стоять за этим странным погромом. Он сомневался, что фрау Шультхайс способна на такое. Но как насчет ее мужа? И, конечно же, не стоило забывать о вчерашнем незнакомце... Что он там сказал на прощание?

Мы к вам еще вернемся.

Что значит *мы*? Может, те самые люди, которые перевернули его лавку в поисках чего-то определенного? Чего-то такого, что непостижимым образом оказалось у него в руках? Возможно, они разыскивали шкатулку?

Меня интересуют свидетельства очевидцев времен короля Людвига Второго. Есть у вас что-нибудь в этом роде?

Ноздри защекотало от книжной пыли, и Стивен чихнул. Потом как следует высморкался и увидел девушку. Она по-прежнему стояла за разбитой витриной и улыбалась, как примадонна.

– Будьте здоровы.

Стивен невольно улыбнулся.

– Простите, что так на вас накинута, но все это, – он показал на стопки разорванных и перепачканных книг и страниц, – совершенно выбило меня из колеи.

«Одри Хепбёрн» кивнула:

– Все в порядке. У меня к вам только один вопрос, потом я оставлю вас в покое.

Она порылась в сумочке, такой же ядовито-зеленой, и что-то протянула Стивену сквозь витрину. Это была мятая, чуть размытая фотография.

– Вам знаком этот человек? – спросила она серьезно. – Это мой дядя. Он случайно не заходил в вашу лавку?

Стивен взглянул на снимок и вздрогнул. Конечно же, это был тот самый мужчина с бумажным свертком! Он заходил вчера в его лавку, затравленно озирался, а потом так внезапно исчез. Фотография была нечеткая, но букинист сразу узнал приятного пожилого господина в сером пиджаке и никелевых очках.

Стивен кивнул и вернул снимок девушке.

– Да, он заходил вчера ближе к полудню, – сказал он. – Мы немного поговорили, но потом он ушел.

– О чем? – Голос у девушки резко переменялся. – О чем вы говорили?

– Ну, о всяком. Большею частью о литературе. Его интересовал дневник Сэмюэла Пипса.

– А вы случайно не говорили о короле Людвиге Втором?

Стивен насторожился. Он поднялся и с неприязнью взглянул на девушку.

– Послушайте, если вы как-то связаны с тем субъектом, который заявился сюда вчера вечером, то...

– Что еще за субъект?

– Тот самый, который задал мне точно такой же вопрос. Есть ли у меня книги о короле Людвиге Втором.

– Что?!

В этот момент за плечом у нее что-то сверкнуло – краткая вспышка за боковым стеклом «Крайслера», припаркованного у тротуара. Из машины вышли двое крепких мужчин в темно-зеленых спортивных куртках и неспешно двинулись в сторону лавки. Заметив их, девушка внезапно побледнела, зашла внутрь и затравленно огляделась.

– Не могли бы вы запереть дверь? – прошептала она.

– Э, да... но какой в этом толк? – Стивен показал на разбитую витрину. – Стекло-то разбито. И вообще, что...

– Боже мой, сделайте, как я прошу! И поскорее! – От прежнего шарма в ее голосе не осталось и следа. Только теперь Стивен обратил внимание на ее берлинский выговор. – Заприте дверь и помогите мне придвинуть стеллаж к витрине. Это хоть ненадолго задержит их.

Лукас в недоумении запер дверь. Девушка уже навалилась на стеллаж.

– Боюсь, вам придется кое-что объяснить, – пробормотал букинист. – Чем они вас так напугали? Зачем вы им понадобились?

– Идиот, не я им нужна! Они за *вами* пришли! Ну, помогите же мне!

Слишком растерянный, чтобы возражать, Стивен помог придвинуть стеллаж к разбитой витрине. Мгновением позже в дверь постучали.

– Господин Лукас! – послышался низкий хриплый голос. – Мы знаем, что вы внутри. Не валяйте дурака. Никто не причинит вам вреда, мы хотим только поговорить. У вас есть одна вещица, она принадлежит нам. К сожалению, прошлой ночью мы ее не нашли. Господин Лукас, вы меня слышите? – Голос звучал все более требовательно. – Мы готовы хорошо заплатить вам за книгу. Сколько вам нужно? Десять тысяч? Двадцать?

Стивен хотел было ответить, но девушка рядом с ним приложила палец к губам.

– Она у вас? – спросила она шепотом.

– Что?

– Вы прекрасно знаете, о чем я. Ну, она у вас?

Стивен чуть помедлил, потом кивнул.

– Думаю... да, – ответил он неуверенно. – Она в сумке, у меня на столе. Хотя не знаю...

– Здесь есть черный ход? – перебила его девушка.

Снаружи снова послышался хриплый голос:

– Послушайте, господин Лукас, мы можем и по-другому. Сейчас мы только обыскали вашу лавку, в следующий раз мы просто спалим ее. Столько бумаги... полыхнет так, что и в Гармише будет видно. Ну так что? Подумайте о том, сколько вы сможете заработать. Раз...

– Уходим! – прошипела девушка. – И не забудьте сумку!

– *Два!*

Стивен выругался вполголоса. Эти двое к шуткам явно не расположены. Если отдать им шкатулку, то они, возможно, оставят его в покое. Кроме того, ему предложили за нее двадцать тысяч. Двадцать тысяч! Этих денег хватит, чтобы пару лет не вспоминать об арендной плате. Он перевел взгляд на сумку.

– *Два с половиной...*

– Не делайте этого! – прошептала девушка, вероятно прочитав его мысли. – Не думайте, что они вручат вам пачку денег и оставят в покое! Они убили моего дядю и с вами поступят так же. Как только вы отдадите им шкатулку, они прикончат вас. Даже глазом моргнуть не успеете.

Стивен с тревогой взглянул на загороженную витрину, за которой угадывались два внушительных силуэта. Один из них вынул из-под куртки что-то черное, подозрительно похожее на пистолет.

– *Три!*

– Господи, и во что я только ввязался!

Стивен схватил сумку и вместе с незнакомкой бросился к черному ходу. В тот же миг позади с грохотом рухнул стеллаж и кто-то вошел внутрь через разбитую витрину.

Они сожгут мои книги! Мои чудесные книги!

Девушка потащила его на задний двор, окруженный высокими стенами и заставленный мусорными баками, велосипедами и всевозможным хламом. Старый сосед с любопытством смотрел на них из окна поверх горшков с геранями, где-то звучал баварский народный мотив. По левую руку тянулась стена, смежная с соседним двором. Возле нее стоял переполненный контейнер для бумаги.

– Туда! – скомандовала незнакомка и устремилась к стене.

Она с кошачьим проворством вспрыгнула на контейнер, перебралась через стену и скрылась из виду. Стивен нерешительно огляделся. Заслышав отдаленные шаги, он выругался и тоже вскарабкался на контейнер. Бросил взгляд через стену. С соседнего двора на улицу открывались широкие ворота. До земли было не меньше двух метров.

– Ну же, прыгайте! – крикнула девушка, стоявшая уже в воротах. – Они догоняют!

За спиной послышались крики и ругань. Стивен зажмурился и прыгнул, выставив руки в стороны. Приземлился и, прижимая к себе сумку, сразу побежал к воротам. Как только он оказался на улице, девушка захлопнула за ним железную створку. В следующую секунду в ворота что-то врезалось.

– Быстрее, я на машине! – Девушка устремилась вверх по улице. – Она тут, за углом. Надеюсь, вы не страдаете агорафобией.

Она остановилась у крошечного ярко-желтого «Мини Купера» и открыла перед Стивеном дверь. При этом девушка впервые за все время сняла очки. Зеленый платок съехал

назад, и взору открылись собранные в пучок волосы. Стивен решил, что ей чуть меньше тридцати.

«В ней определенно что-то есть от Одри Хепбёрн, – подумал он. – Или от Эвы Мари Сейнт в «К северу через северо-запад». Вот только я не Кэри Грант...»

– Садитесь. Отвезу вас к себе домой. Там вы пока будете в безопасности, – девушка подмигнула ему. – Не бойтесь, я не кусаюсь. В отличие от тех парней, что гонятся за нами.

– При условии, что вы объясните мне, что здесь творится, – задыхаясь, выдавил Стивен.

– Договорились. Но сначала нужно убраться отсюда.

Со стороны двора до сих пор слышался яростный стук по воротам. «Одри Хепбёрн» захлопнула дверь, завела двигатель и нажала на газ.

Стивен даже не предполагал, что «Мини Купер» способен развить такую скорость.

4

Они пронеслись по оживленной площади, мимо фруктовых ларьков и под визг колес вывернули на Среднее кольцо. «Одри Хепбёрн» обогнала серебристую «Ауди» и резко набрала скорость, так что Стивена вдавило в кресло.

«Это дурной сон, – думал букинист. – Это всего лишь дурной сон. Сейчас я проснусь в своей кровати, рядом будут лежать несколько сборников поэзии и книга Габриэля Гарсиа Маркеса. Я почищу зубы, отправлюсь в лавку...»

– Нас не преследуют?

Голос темноволосой незнакомки вернул его в действительность.

– Что? – растерянно переспросил Стивен. Он только теперь осознал, что сумка со шка-тулкой по-прежнему лежит у него на коленях.

– Эти двое в черном «Крайслере». Они у нас на хвосте?

Стивен развернулся и посмотрел сквозь заднее стекло. Сейчас, около семи часов, многие ехали с работы, и движение было довольно плотное. То и дело кто-то сигналил, мигал фарами или перестраивался из одного ряда в другой. Черного «Крайслера» видно не было.

– Кажется, мы оторвались от них. – Стивен снова уставился перед собой, пока не затопило.

– Отлично. Сейчас поедem ко мне домой, а потом...

– Никаких «потом». С меня хватит загадок. Объясните мне коротко и ясно, что здесь происходит, – перебил ее Стивен. – Или я сейчас же выйду, понятно?

– На скорости в девяносто по Среднему кольцу? Что ж, удачи.

Стивен вздохнул. И вновь обратил внимание на ее берлинский выговор, довольно непривычный здесь, в Мюнхене.

– А теперь серьезно, – произнес он с подчеркнутым спокойствием. – Вам не кажется, что мы староваты для такого ребячества?

– Вы, может, и староваты, а я – нет. – Девушка включила третью передачу, чтобы проско-чить на светофоре. – Но вы правы. Слишком много крови пролилось, чтобы говорить о ребячестве.

– Крови? В каком смысле...

Не сбавляя скорости, она открыла бардачок и молча протянула Стивену смятую газету. Это был свежий вечерний выпуск.

– Откройте двенадцатую полосу. Верхняя колонка.

Стивен отыскал нужное место, и пульс у него мгновенно подскочил. Фотография на странице была нечеткая, но букинист сразу узнал приятного пожилого незнакомца с бумаж-ным свертком, который заходил накануне в его лавку. Заголовок крупными буквами гласил:

ЖЕСТОКОЕ УБИЙСТВО:

В ЛЕСУ НАЙДЕНО ИЗУВЕЧЕННОЕ ТЕЛО ПРОФЕССОРА

Полиция в растерянности

Стивен пробежал глазами статью. Чудовищное убийство произошло прошлым вечером где-то под Мюнхеном. Пауль Либерманн, профессор Йенского университета, найден в лесу с простреленной головой. Труп лежал среди рваных книжных страниц, полиция занялась их изучением. По всей вероятности, прежде чем убить, профессора усыпили, оттащили в лес и подвергли пыткам. В числе главных улик называли странное орудие убийства, подробности обещали в утреннем выпуске. Затем следовали краткое жизнеописание профессора и несколько неоднозначных предположений, выставлявших его не в самом выгодном свете.

– Это был «дерринджер», – сказала вдруг девушка.

Стивен перевел на нее взгляд.

– Что?

– Орудие убийства. Я навела кое-какие справки. На месте преступления найдены две гильзы от патронов калибра.44. Такие патроны сейчас не используются. Зато в девятнадцатом веке ими часто заряжали небольшие пистолеты, в особенности пистолеты Дерринджера. Милая игрушка. Старого доброго президента Линкольна застрелили из такого же.

Стивен наморщил лоб.

– Получается, профессор убит из пистолета, которого даже не существует?

– Или того, кто его убил, уже сотню лет как не должно быть в живых⁹, – ответила девушка и резко свернула в переулок. – Что, по крайней мере, сужает круг подозреваемых.

– Откуда вам все это известно? – спросил Стивен с недоверием. – Вы сказали, что приходитесь племянницей профессору, который заходил вчера в мою лавку. А говорите так, будто работаете в полиции.

– Давайте сначала доберемся до моего дома. Тогда я вам все объясню.

Они молча ехали по вечерним улицам, повернули на Людвигштрассе, которая вела в Швабинг, центр богемной жизни. Мимо проносились величественные белые здания. Перед модными бутиками, клубами и барами уже собирались первые ночные гуляки. В тихом переулке, недалеко от Английского парка, они наконец остановились.

Девушка припарковала «Мини Купер» на тесном пяточке, куда, по мнению Стивена, не поместился бы даже его велосипед. С газетой в руках «Одри Хепбёрн» вышла из машины и направилась к приземистому старинному домику с крошечным палисадником. Среди современных зданий со стеклянными фасадами дом этот смотрелся несколько архаично. Сбоку от двери висела бронзовая табличка с витиеватой надписью.

– «Доктор Сара Ленгфельд. Арт-детектив», – пробормотал Лукас. – Вы и вправду детектив?

– Прежде всего я дипломированный искусствовед, – ответила девушка и открыла перед Стивеном дверь. – И сразу говорю: работа у меня скучная до смерти. Я копаюсь в толстенных каталогах, зависаю в Интернете или звоню по телефону, пока пар из ушей не пойдет, и ради разнообразия отправляюсь на какую-нибудь выставку старинной мазни, где директор музея опасно заглядывает мне через плечо, – губы ее сложились в тонкую линию. – Так что забудьте всю эту чепуху, которой набрались из фильмов и книжек. Тем более что в данном конкретном случае я действую скорее в личных интересах, нежели профессиональных.

С этими словами она вошла в дом. Стивен последовал за ней и не без удивления огляделся. Изнутри дом был куда просторнее, чем казалось снаружи. Стены коридора, выкрашенные в ярко-оранжевый, были увешаны репродукциями немецких экспрессионистов, работами Тулуз-Лотрека и фотографиями в стиле ню. По правую руку открывался проход, в конце которого букинист разглядел небольшую кухню и расположенную за ней спальню. Дверь слева вела в светлый кабинет, который занимал, наверное, половину первого этажа. Там тоже висели многочисленные картины и стояли, подсвеченные галогенными лампами, скульптуры, и комната выглядела как элитная художественная галерея.

– Куда вы меня привели? – с удивлением спросил Стивен. – В Музей современного искусства?

– Нет, боже упаси! Это всего-навсего мой кабинет, – Сара Ленгфельд улыбнулась. – Знаю, не хватает фикуса. Зато вид открывается превосходный.

⁹ Автор несколько преувеличивает. В наше время можно достать практически любое раритетное огнестрельное оружие, тем более такое некогда массовое, как пистолет Дерринджера. А калибр.44 (пусть и патрон другой) – один из самых распространенных в мире (с подачи США).

Лукас оценил вид на кусты и деревья Английского сада, открывающийся из панорамных окон. У этой девушки действительно был хороший вкус, хоть и не вполне совпадал с его собственным. Посередине кабинета стоял массивный подковообразный стол пятидесятих годов, заваленный каталогами, папками, упаковками из-под китайской еды и немывными чашками. И над всем этим высился монитор, обклеенный стикерами.

– Прощу прощения, все руки не дойдут убраться, – сказала Сара и убрала с широкого дивана несколько журналов и альбомов, после чего с тяжелым вздохом откинулась на спинку. – Видимо, слишком много всего навалилось за последние дни.

Стивен опустился рядом и бросил взгляд на ее длинные, закинутые одна на другую ноги. Сара сняла ядовито-зеленую накидку и развязала платок. На ней были джинсы, прилегающий зеленый джемпер, доходивший до бедер, и удобные балетки. Сдвинутые вверх очки смотрелись как вторая пара глаз. С некоторым запозданием Стивен вспомнил, почему, собственно, оказался здесь.

– Тот убитый из статьи, – начал он неуверенно. – Это действительно ваш дядя?

Девушка кивнула.

– Профессор Пауль Либерманн из Йенского университета. Старший брат моей матери. Правда, мы с ним давно не общались. Думаю, в последний раз, когда я его видела, он читал мне вслух Пиннокио. – Она улыбнулась. – Я, если хотите знать... одиночка. Это у нас семейное. Хотя не исключено, что и работа оставила свой отпечаток.

– Чем же вы конкретно занимаетесь, позвольте спросить? – любопытно спросил Стивен.

– Я разыскиваю утраченные картины. Украденные произведения искусства, полотна, перемещенные ценности. Каждый год по всему миру их пропадает на шесть миллиардов долларов, но рано или поздно они, в большинстве своем, снова объявляются. На аукционах, в музеях, галереях или частных коллекциях. – Она встала и передала Стивену один из каталогов со стола. – Моя работа состоит в том, чтобы разыскать эти полотна. За это я получаю процент от их реальной стоимости. И, как правило, выслушиваю оскорбления от бывших владельцев, – добавила она с ухмылкой. – Зачастую они даже не предполагают, что их картины краденые. Когда я прихожу на выставку, устроитель трижды крестится и подмешивает мне в вино слабительное.

Стивен отложил каталог и огляделся.

– Судя по всему, доходная профессия. Но какое отношение имеет к этому ваш дядя?

Лицо Сары вновь стало серьезным.

– Позвольте для начала взглянуть на то, что лежит у вас в сумке.

Стивен осторожно протянул ей шкатулку. Она открыла ее, скользнула взглядом по фотографиям и черному локону. Потом задумчиво полистала пожелтевшие страницы дневника, чуть ли не с трепетом провела рукой по бархатной обложке.

– Так это правда, – проговорила она наконец.

– Правда? – переспросил Стивен. – В каком смысле правда?

Девушка продолжала смотреть в книгу, словно пыталась что-то в ней разглядеть. Через некоторое время она наконец подняла взгляд.

– У моего дяди было довольно необычное хобби. Он коллекционировал книги о короле Людвиге Втором, в особенности все, что связано с его смертью. Он был убежден, что трагическая кончина Людвига представляет собой величайшее из нераскрытых убийств в немецкой истории.

– Убийств? – с недоверием переспросил Стивен. – Я, конечно, слышал что-то подобное. Но...

– Господин Лукас, – нетерпеливо перебила его Сара. – Что вам вообще известно о короле Людвиге Втором?

Букинист пожал плечами.

– Ну, это король Баварии. Был, по всей видимости, довольно странным человеком. Жил в мире собственных фантазий, построил несколько сказочных замков и в конце концов был объявлен душевнобольным и лишен власти. Вскоре после этого умер при невыясненных обстоятельствах.

– Не то чтобы содержательно, но в целом все верно. Однако следует добавить, что это не какой-нибудь там король, а Король с большой буквы. По крайней мере, если говорить о его популярности.

Сара взяла из шкатулки одну из фотографий и сунула Стивену прямо под нос. Лукас отметил, что и ногти у девушки покрыты зеленым лаком.

– Никакой другой правитель не может похвастаться такой известностью, – пояснила она с улыбкой. – Его портреты узнают, наверное, даже за Китайской стеной. Это превосходная иллюстрация нашим мечтам и желаниям. В отличие от нас, простых смертных, он имел возможность претворить свои мечты в жизнь.

– Хотя в политике... – начал Стивен.

– Он был полным неудачником, знаю, – Сара вздохнула. – Если судить Людвига Второго лишь по его политическим достижениям, сейчас о нем давно позабыли бы. Но кто вспоминает о политике, глядя на этот сказочный замок, с которого начинается любой диснеевский фильм?¹⁰ Не говоря уже о его смерти.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, загадки всегда привлекают внимание, – ответила девушка и аккуратно положила фотографию обратно в шкатулку. – Уверена, у вас тоже есть собственная история относительно смерти сказочного короля.

– Собственная история? Я знаю только официальную версию, – Стивен пожал плечами. – Насколько мне известно, сумасшедшего и низложенного короля отправили в замок Берг на Штарнбергер-Зее. Там он сбежал от своего психиатра, Бернхарда фон Гуддена. Тот погнался за ним и догнал у самого берега. Они схватились, и в результате Людвиг утопил фон Гуддена, а потом и сам покончил с жизнью.

– На мелководье?

Стивен нахмурился.

– Что, простите?

– Вода в том месте, где якобы утопился король, едва доходила ему до бедер, – пояснила Сара. – Людвиг был превосходным пловцом. Кроме того, в его легких не обнаружили воды.

– Так вы хотите сказать...

– Я ничего не хочу сказать, – продолжала Сара. – Просто перечисляю факты. И это лишь одна из многочисленных неувязок в официальной версии. Хорошая почва для различных легенд. Вы, к примеру, знали, что врачам не разрешили осмотреть трупы? Кроме того, часы фон Гуддена встали на час позже, чем часы короля. А некоторые из свидетелей или умерли при загадочных обстоятельствах, или исчезли, или внезапно разбогатели. И... – Она махнула рукой. – Книг о странных событиях тринадцатого июня тысяча восемьсот восемьдесят шестого года великое множество.

– Я и не знал, что среди искусствоведов есть сторонники теории заговора, – усмехнулся Стивен. – Должно быть, это экстравагантное увлечение передалось вам от дяди. Впрочем, с вашей работой в этом нет ничего удивительного.

Сара смерила его холодным взглядом:

¹⁰ Основным элементом знаменитой заставки к любой кинопродукции компании Уолта Диснея является замок Спящей Красавицы из парижского Диснейленда, который является копией замка Нойшванштайн, построенного по проекту Людвига II.

– Господин Лукас, если вы принимаете меня за дурочку, то ошибаетесь. Я действительно специализируюсь на искусстве девятнадцатого века, но мне нет никакого дела до того, как умер Людвиг Второй. Пусть он хоть накрашенный и в женских туфлях утопился бы в сливочном креме. А вот что действительно имеет для меня значение, так это смерть моего дяди. И сейчас речь идет главным образом о нем, ясно?

– Простите, – пробормотал букинист. – Довольно бестактно с моей стороны.

Сара отмахнулась:

– Проехали.

Она вынула смятую пачку ментоловых сигарет и закурила. И лишь сделав несколько глубоких затяжек, продолжила:

– В последние годы дядя Пауль открыл для себя Интернет. И таким образом, видимо, узнал о небольшом аукционе недалеко от Нюрнберга. Распродажа имущества. Там продавалась и эта странная штукавина, – Сара взяла деревянную шкатулку и легонько встряхнула. – При этом его в первую очередь интересовал именно дневник. Вернее, имя его составителя – Теодор Марот.

– Ассистент королевского лейб-медика Макса Шляйса фон Лёвенфельда, – вставил Стивен.

Сара кивнула:

– Марот был амбициозным молодым человеком из Страсбурга, с тысяча восемьсот семьдесят второго года работал в хирургической клинике в Мюнхене. Вероятно, там Лёвенфельд и обратил на него внимание и взял к себе в ассистенты.

Она снова глубоко затянулась. От табачного дыма и запаха ментола у Стивена слегка закружилась голова. Кроме того, он не мог оторвать взгляда от ее зеленых ногтей.

– Такой интерес к его личности вызван вот чем, – продолжила Сара. – Ассистент Лёвенфельда был не только амбициозен и смышлен, но и очень хорош собой. Настоящий французский денди и питал слабость к искусству. Людвиг, должно быть, влюбился в него. Во всяком случае, с семьдесят пятого года он постоянно фигурирует в письмах короля. В некоторых хрониках даже утверждается, что Марот был у Людвига любимым товарищем по играм. И... – Она выдержала театральную паузу и улыбнулась. – Очевидно, до последнего дня находился при нем в замке Берг. Некоторые очевидцы утверждают также, что после смерти Людвига именно Теодор Марот заговорил об убийстве.

Стивен присвистнул сквозь зубы.

– Когда я впервые увидел фотографии с локоном, то увидел в этом лишь доказательство какой-то гомосексуальной связи короля, – пробормотал он. – Но, если я вас правильно понял, в этом дневнике скрыто нечто большее. Выходит, ваш дядя считал, что с его помощью можно разгадать тайну смерти Людвига Второго?

– Скажем так, он надеялся на это, – ответила Сара. – Он купил шкатулку через Интернет всего за несколько сотен. Но, когда получил ее по почте, его ждало разочарование. Дневник был составлен с помощью какого-то шифра, и дядя не смог его прочесть. Поэтому он приехал в Мюнхен и попросил меня о помощи.

Девушка с такой силой вдавила окурочек в пепельницу, что Стивен испугался, как бы она не проделала в ней дыру.

– Я по роду деятельности знакома с людьми, которые в этом разбираются, – продолжила Сара. – Но за книгой, судя по всему, охотился кто-то еще. Мы договорились встретиться, но он не пришел. Сначала я пыталась дозвониться до него, а сегодня в полдень отправилась к нему в отель. Что там творилось! Полиция, криминалисты, все как полагается... Я позвонила приятелю из полицейского управления, и он мне все рассказал. – Она закурила новую сигарету и задумчиво посмотрела на картину с яркими, наложенными друг на друга

квадратами. – Я не очень хорошо знала дядю, но все это так потрясло меня... Подвергнут пыткам и убит. И все из-за какой-то книжки.

– Позвольте узнать, как вы нашли меня? – осторожно спросил Стивен.

По лицу Сары скользнула улыбка.

– Когда полиция уехала, я вернулась в отель, – пояснила девушка. – Я знала, что у дяди Пауля нет ноутбука, но он любил искать в Интернете старинные книги. Действительно, служащий у стойки подтвердил, что некий пожилой господин накануне пользовался их компьютером. Тогда я просмотрела историю запросов, и первой в списке оказалась ваша лавка. Кстати, по запросу на дневник старого доброго Сэмюэла Пипса.

– А вы слышали о Пипсе? – удивился Стивен.

Сара одарила его насмешливым взглядом.

– Господин Лукас, я дипломированный искусствовед. Если я при этом занимаюсь расследованиями, это еще не значит, что у меня образование Хорста Шимански¹¹.

Стивен улыбнулся. Ему нравилась грубоватая манера этой девушки, хотя составить о ней какое-то мнение он пока не мог.

– Пипс. Сэмюэл Пипс, – тоном докладчика произнес букинист. – Его дневник не имеет себе равных по описанию повседневной жизни англичан эпохи Реставрации. Профессор расспрашивал меня о книге. Думаю, по этой причине он и заглянул ко мне в лавку. Но вот почему он оставил у меня шкатулку?

– Может, он чувствовал, что за ним следят? – предположила Сара. – Кто-то преследовал его. И вот он оказался в вашей лавке и...

– И оставил книгу у меня, а вместо нее взял мою! – Стивен щелкнул пальцами. – Конечно, так все и было! У меня как раз пропал томик немецких баллад... Неплохой ход, скажу я вам.

Сара потерла глаза, красные от усталости и табачного дыма. Тушь у нее под глазами размазалась, но девушка этого не заметила.

– Это ему не помогло, – сказала она тихо. – Они добрались до него, пытками узнали, что им нужно, и убили. При этом он, должно быть, сказал им про вас, и теперь эти же люди охотятся за вами. По той нашей встрече ясно, что церемониться они не станут.

Стивен покачал головой:

– И все это из-за какой-то книги про давно умершего монарха? Это же нелепо!

– Уж вы мне поверьте, я эту сцену хорошо знаю. Некоторые родную мать готовы скоротить пираньям за редкое полотно.

– Думаю, для меня сегодняшняя встреча с ними была не первой, – произнес Лукас после некоторого молчания.

Сара наморщила лоб.

– То есть как это?

Букинист рассказал ей о странном незнакомце, который заходил к нему накануне, и последующей встрече на Лугу Терезы.

– Что, на них были черные капюшоны? – взволнованно переспросила Сара; при этом она заметно побледнела.

Стивен кивнул:

– В черных капюшонах и с факелами в руках. А что? Вы знаете, кто это?

С сигаретой во рту Сара подошла к компьютеру и что-то поискала в Интернете. Наконец позвала Стивена, чтобы и он взглянул на экран.

¹¹ Хорст Шимански – полицейский, главный персонаж знаменитого телесериала «Комиссар Шимански» (ФРГ), особо популярного в 1980-х гг.

– Не знаю, правильно ли я поняла, – пробормотала она и кивнула на монитор. – Лучше посмотрите сами.

Стивен подошел к столу и увидел на экране три фигуры в черных накидках и островерхих капюшонах с прорезями для глаз. Они стояли перед крестом, возвышавшимся над гладью поросшего камышом озера. Каждый из них держал в руках по два факела, перекрещенных в форме Х.

У Стивена перехватило дыхание. Те люди, что преследовали его накануне на Лугу Терезы, выглядели точно так же.

– Если это были *они*, – сказала Сара и затушила сигарету в чашке из-под кофе, – то у нас с вами серьезные проблемы.

5

Король плыл по озеру. Синие и зеленые отсветы отражались на гладкой поверхности. С каменного свода, как окаменелые щупальца, свисали сталактиты. Грозные рыцари на фресках замахивались мечам, раскрывая рты в беззвучном крике.

Лодка бесшумно скользила к берегу, где короля уже дожидались два паладина. В темно-зеленых спортивных куртках, подстриженные по-армейски, они походили в этом подземном мире на пришельцев с далекой планеты.

Из колонок, спрятанных в каменных стенах, лилась и растекалась по пещере музыка Рихарда Вагнера.

– Ну что? Эрек, Борс? – спросил король. – Вы нашли то, чего я жду с таким нетерпением?

– Все... не все так просто, Ваше Величество, – начал один из них, крупный, тот, кого король назвал Эреком. – Мы все перевернули в этой лавке, но книги так и не нашли.

– Не... нашли? – тихо переспросил король. – То есть как это? Вы расспросили этого букиниста?

– Днем ничего не вышло, – пробормотал второй паладин, по имени Борс, мелкий и жилистый, с рябым лицом и перебитым носом. – Там от полиции проходу не было после ночного вторжения. Но вечером мы заглянули к нему. И мы уверены, что книга была у него.

– *Была?*

– Ну да.

Борс нервно взглянул на свод пещеры, словно опасался, что один из сталактитов сорвется и пронзит его насквозь. Участь, вероятно, более предпочтительная по сравнению с тем, что ждало их, если они в ближайшее время не найдут чертову книгу.

– Он... он был там с какой-то девушкой, – продолжил паладин, запинаясь. – Они оба сбежали – и, скорее всего, с книгой. Мы успели сфотографировать девицу, пока та стояла перед витриной. Они о чем-то переговаривались и...

– Мы, конечно, сразу выяснили, где живет этот Лукас, и все там обыскали, – торопливо добавил Эрек. – Но и там ничего не нашли. Ни букиниста, ни девушки. Книги тоже не было.

– И где теперь эти двое? – Голос у короля по-прежнему был тихий, но в нем зазвучали те угрожающие нотки, столь знакомые его людям.

– Мы оставили людей у его квартиры и у магазина, – пробормотал Эрек; при этом его широкие плечи обмякли, как сломанные крылья. – Гарета, Ивейна и Тристана. Ему от нас не уйти. Рано или поздно он снова появится.

Король повертел перстень на пальце и закрыл глаза. У паладинов в куртках на лбу выступили капельки пота. В пещере было жарко, как в сауне. Чтобы добраться сюда, им пришлось преодолеть два пункта охраны, спуститься на лифте и пересечь тронный зал с громадной люстрой и многочисленными окнами, из которых открывался вид на бутафорские горные пейзажи и солнечные луга. Одному Богу известно, во сколько обходилось шефу это странное увлечение. За спиной у него иногда шептались о его безумствах, в последнее время граничащих с помешательством. Но, как бы безумен он ни был, они старались, чтобы король не узнал об этих разговорах. Уж слишком он хорошо платил.

Кроме того, он был совершенно непредсказуем.

– Это... плохо, – проговорил Его Величество после некоторого молчания. – Очень плохо. Мы были так близки, так близки. И **ОСТАЛИСЬ НИ С ЧЕМ!**

Последние слова он проревел, и голос его эхом разнесся по сводам. Но не прошло и нескольких секунд, как к королю вернулось самообладание.

– Я хочу, чтобы вы любыми средствами разыскали этого букиниста, – прошептал он. – Любыми! Я уверен, что книга у него. Я *чувствую* это. Если загадку решит кто-то другой, все пропало.

Один из паладинов что-то невнятно пробормотал. Король раздраженно вскинул брови.

– Что ты сказал?

– Я хотел только спросить, что нам делать, если этот тип отправится вместе с книгой в полицию? Не думаю, что он пойдет на это, но в таком случае у нас будут проблемы.

– Действительно. – Его Величество похлопал себя по лбу и закрыл глаза, словно его мучили головные боли. – Это действительно доставило бы нам хлопоты. Серьезные хлопоты.

Потом он внезапно просиял и тихонько захихикал.

– Но я, кажется, знаю, как решить эту проблему.

Король принялся объяснять паладинам свой план, а те усердно кивали. Когда с разъяснениями было покончено, монарх вновь погрузил весло в воду. Лодка скользнула на середину озера, а там медленно поплыла по кругу, окутанная синим и красным сиянием.

Где-то играл «Полет валькирий» Вагнера.

6

– Кто... кто эти люди? – спросил Стивен, глядя на экран.

Три фигуры в капюшонах и с факелами казались ему выходцами из прошлого. Перед внутренним взором появлялись образы костров, фанатичных проповедников и окутанных туманом монастырей. Где-то в отдалении, казалось, зазвучал многоголосый монашеский хор.

– Эти люди? – Сара Ленгфельд ткнула пальцем в монитор, словно могла таким образом оживить эти странные фигуры. – Это Хранители. Тайный орден, основанный сразу после смерти Людвига Второго. Уже в день похорон они шагали перед королевским гробом. Эти люди действуют нелегально и все эти годы пытаются доказать, что их любимый король был убит. Звучит безумно, но это действительно так. – Она поочередно нажимала различные ссылки, и всякий раз на экране появлялись те же самые люди в капюшонах. – Хранители появляются всюду, где, по их мнению, есть угроза репутации Людвига Второго. На современных театральных постановках, мюзиклах, юбилеях... Несколько лет назад они даже пытались вскрыть гроб короля, хоть и безрезультатно.

Стивен растерянно покачал головой.

– Я вас умоляю, горстка сумасшедших в черных капюшонах... Это же просто смешно!

– Сумасшедших или нет, но в орден входят самые разные люди. Курьеры, художники, университетские профессора и госслужащие. Ходят слухи, будто у них есть связи даже в правительстве Баварии.

– Постойте, – вставил Стивен. – Вы хотите сказать, что в этой стране вот уже сто двадцать пять лет существует тайный орден, который действует на нелегальной основе и обладает связями в высших кругах? До сих пор я полагал, что такой репутацией пользуются лишь масоны.

Сара усмехнулась.

– Господин Лукас, вы живете в Баварии, не забывайте. Орден иллюминатов тоже зародился на этой благословенной земле. Как уроженка Берлина, могу вас заверить, что у баварцев все немного иначе, чем у всех остальных людей.

– Хорошо, будем считать, что я вам поверил, – Стивен примирительно поднял руки. – Но почему Хранителям так хочется заполучить эту шкатулку? Если б ваш дядя расшифровал книгу и опубликовал ее, убийство было бы доказано. И этот орден добился бы своей цели.

Сара снова опустила на диван.

– Члены этого ордена крайне консервативны, настоящие пуритане. Вспомните, вы и сами предполагали, что между королем и Теодором Маротом могла существовать некая связь. Как думаете, что произойдет, если об этом узнает публика? Всеми любимый король, который подарил нам замок Нойшванштайн, оказался престарелым гомосексуалистом, падким на миловидных юнцов... Неслыханно! – Она стянула балетки и швырнула их в корзину в углу, точнехонько на смятую коробку из-под пиццы. – Поверьте, эти люди сделают все, чтобы заполучить книгу. И только исключив всякое подозрение, сами опубликуют дневник.

– Так вы всерьез полагаете, что эти Хранители стоят за смертью вашего дяди? – спросил Стивен.

Сара села, скрестив ноги, и, гордо вскинув голову, пристально посмотрела на букиниста.

– Можно и так сказать, – произнесла она. – У них был серьезный мотив, и они охотятся за книгой. Об этом свидетельствует и ваша встреча на Лугу Терезы. И я уверена, что тот тип в костюме тоже один из них.

Стивен со вздохом взял дневник и полистал пожелтевшие страницы.

– Но это ничего не меняет, книга зашифрована, – пожал он плечами. – Сплошь странные значки и время от времени жуткая мешанина из заглавных букв. Если б я только знал...

Тут он внезапно замолчал.

– Что такое? – спросила Сара.

– Та книга, о которой спрашивал ваш дядя, – начал Стивен задумчиво. – Дневник Сэмюэла Пипса...

– А что с ним? Говорите же!

– Там, насколько я помню, тоже использован своего рода шифр. Стенография начала семнадцатого столетия.

Сара нахмурила лоб.

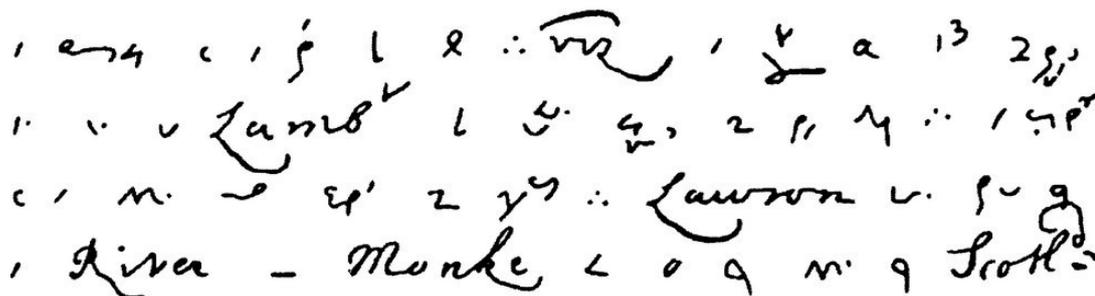
– Это я знаю. Ну и что?

– Я выкладывал книгу в Интернет, – медленно ответил Стивен. – Но сам заглянуть в нее пока не успел. Я, конечно, могу ошибаться, но...

Букинист подошел к компьютеру и ввел в строку поиска «Пипс». Через некоторое время он нашел что искал, и сердце у него забилось чаще.

– Так и есть. Посмотрите сами, – проговорил он.

Сара поднялась с дивана и взглянула на экран. Взору их предстал таинственный шифр, состоящий преимущественно из завитков, черточек и точек. Временами попадались лишь разрозненные слова на английском.

The image shows a sample of shorthand from Samuel Pepys' diary. It consists of four lines of handwritten symbols, including loops, dots, and short strokes. Some words are partially legible, such as 'Lawson' and 'Scott'.

Сара присвистнула сквозь зубы. Шифр был тот же самый, что и в дневнике Теодора Марота.

– Стенография Шелтона, семнадцатый век, – произнес Стивен. – Английский госслужащий Сэмюэл Пипс использовал его в своем дневнике, чтобы скрыть от очаровательной супруги свои многочисленные интрижки. Шифр сумели разгадать лишь спустя два столетия. Ваш дядя, вероятно, о чем-то догадывался и хотел проверить у меня свои предположения... – Он покачал головой. – Кто бы мог подумать, что простой французский ассистент прибегнет в своих записях к устаревшему шифру?

– Теодор Марот наряду с медициной изучал в Страсбурге историю, – прошептала Сара. – И, очевидно, с *summa cum laude*¹². Бинго! – Она хлопнула Стивена по плечу. – Кандидат проходит в следующий круг. Правда, мы оказываемся перед следующей проблемой. Как нам расшифровать эти чертовы письмена?

Стивен кликнул на предыдущую страницу.

– Здесь сказано, что Шелтон создал свой труд по стенографии в 1625 году. Книга называется «Тахиграфия», что с древнегреческого означает «быстрое письмо», и...

¹² С наивысшим почетом (*лат.*); наивысшая академическая оценка выпускников учебных заведений, соответствующая совокупной «пятерке с плюсом».

– Господин Лукас, давайте повременим с древнегреческим и вернемся к стенографии, – нетерпеливо перебила его Сара. – Что там с этим трудом?

– Прошу вас, фрау Ленгфельд, дайте мне закончить, – усмехнулся Стивен. – А я собирался сказать, что с недавних пор у меня есть не только дневник Пипса, но и позднее издание «Тахиграфии» Шелтона. Чертовски редкая штука, – он постучал себя по лбу. – У меня в голове целая картотека.

Сара задумчиво вытянула третью сигарету из мятой пачки.

– Да, впечатляет, – ответила она сухим голосом. – Очередной раунд за вами. В «Своей игре»¹³ вы бы сегодня стали знатоком. Правда, для этого нам придется выполнить еще одно задание.

– И какое же?

Лицо Сары скрылось в клубах белого дыма.

– Мы должны как можно скорее вернуться в вашу лавку и забрать эту книгу. И сделать это прежде, чем Хранителям вздумается устроить там очередной обыск.

¹³ «Своя игра» (*ориг.* Jeopardy!) – популярная во многих странах телевизионная игра-викторина.

7

Когда они добрались до Вест-Энда, было далеко за полночь и квартал выглядел заброшенным. Бары и кафе в большинстве своем уже закрылись, на улицах почти никого не осталось. Лишь время от времени кто-нибудь медленно проезжал навстречу в поисках свободного места на парковке. Где-то тихо играла турецкая музыка. И если бы в некоторых окнах не мерцали экраны телевизоров, город мог показаться вымершим.

Стивен долго размышлял, стоит ли ему ввязываться в эту авантюру. Люди, которые разыскивали дневник, были, по всей вероятности, хладнокровными убийцами. Из-за какой-то книги они запытали человека до смерти. С другой стороны, дневник Марота был подлинной сенсацией, мечтой каждого букиниста. Если записи действительно зашифрованы по методу Шелтона и в них раскрывается тайна смерти Людвига II, о заработке можно будет не беспокоиться. Не говоря уже о шумихе в прессе. «Шпигель», «Штерн», «Фокус» – не напишет об этом только ленивый.

А если это подделка?

Стивену вдруг вспомнились поддельные дневники Гитлера, опубликованные в «Штерн». Тогда это привело к крупнейшему скандалу в истории немецких СМИ. Поэтому букинист решил все как следует взвесить. Но дневник обладал неодолимой притягательной силой.

Он как наркотик. Стоило открыть его однажды, и я уже не могу отделаться от мысли о нем...

Между тем они свернули на Гольерштрассе и медленно проехали мимо лавки. Стивен отметил, к своему облегчению, что те люди не исполнили своей угрозы и ничего не сожгли. Тем не менее в темноте и с разбитой витриной лавка представляла собой довольно унылое зрелище. Магазин, с которым Лукаса столько связывало, казалось, больше не принадлежал ему и походил скорее на чужеродное тело, подлежащее удалению.

– Лучше пройдем через черный ход, – прошептала Сара. – Конечно, в это мало верится, но если они наблюдают за лавкой, то скорее уж за главным входом.

Стивен молча кивнул, по-прежнему не сводя взгляда с черной дыры, которая была когда-то витриной. Они как раз проезжали мимо нее, и букинист уловил в темноте какое-то движение. Может, внутри кто-то есть? Те самые Хранители или какие-нибудь вандалы? Стивен прищурился и попытался что-нибудь разглядеть, но все было как прежде. Ни звуков, ни движения, просто разбитая витрина. Должно быть, показалось...

Сара прервала его раздумья.

– Что такое? – прошипела она. – Вам уже призраки мерещатся? Бросьте, не валяйте дурака!

Девушка припарковалась в тускло освещенном переулке и вышла. Стивен последовал за ней. Зябко поежился и поднял ворот тонкого пиджака. Во время бегства он успел захватить только сумку, плащ и кашемировый шарф остались в лавке. Сумка, как и ее ценное содержимое, лежала теперь в кабинете Сары. Они направились к заднему двору, и путь им преградили запертые ворота.

– Черт! – выругалась Сара. – И что нам теперь делать?

– Позвольте, я все улажу.

Стивен нажал на одну из кнопок, расположенных рядом с именованными табличками. Через некоторое время ему ответил заспанный голос с явным баварским акцентом:

– Какого черта! Если это шутка, я тебе...

– Господин Стибнер, – перебил его Стивен, – это я, Лукас. Я ключи дома забыл. Вы бы не могли впустить меня?

– Ну, если так... – Раздался мелодичный звук, ворота щелкнули и открылись. – Но с вас как минимум бутылочка пива, – проворчал голос.

– Целый ящик, господин Штибнер. Любого, на ваш выбор.

Стивен жестом пригласил Сару во внутренний двор, поросший диким виноградом. Задняя дверь в лавку по-прежнему была открыта настежь. Похоже, их преследователи даже не удосужились ее захлопнуть.

– Главное хранилище в подвале, сразу за дверью справа, – прошептал букинист.

Они вошли внутрь и направились к лестнице, ведущей в подвал.

– Сколько же у вас там книг? – спросила Сара вполголоса.

– Что-то около трех тысяч.

– Трех...

– Не беспокойтесь, – успокоил ее Стивен. – Книги удобно рассортированы. Мы быстро отыщем...

Сара стиснула его руку.

– Вы это слышали?

Букинист остановился и уловил тихий шорох. Звук явно доносился из подвала. Затем кто-то хрипло вскрикнул, что-то с грохотом опрокинулось, и послышалось тяжелое дыхание по меньшей мере двух человек.

– Какого черта? – пробормотал Стивен и пригнулся под низким потолком. – Впечатление такое, будто там кто-то борется.

Снова послышался крик. Однако он вскоре сменился сдавленным хрипом.

– Не совсем. Впечатление такое, будто там кого-то убивают! – крикнула Сара. – Туда, быстрее! Пока еще не поздно!

Они сбежали по лестнице и с ходу распахнули чуть прикрытую дверь. В темноте посреди комнаты боролись две тени. Вокруг угадывались очертания поваленных стеллажей; на полу валялись несколько металлических стержней, из которых Стивен собирался составить новую полку.

Стивен лихорадочно пошарил по стене в поисках выключателя. Но когда он отыскал его и попытался включить свет, ничего не получилось. Щелкнув несколько раз переключателем, букинист выругался и вбежал в комнату. Теперь борющихся удалось разглядеть подробнее. Широкоплечий, крепкий на вид мужчина прижал к полу другого и сдавил ему горло. Его противник, куда менее крупный, отчаянно вырывался и дергал ногами. Стивену казалось, что движения его понемногу ослабевают.

– Прекратите! – раздался рядом крик Сары. – Прекратите сейчас же!

Но здоровяк не обратил на нее внимания и продолжал душить противника. В конце концов Сара схватила его за плечи и попыталась оттащить от жертвы. В этот момент мужчина вынул из внутреннего кармана пистолет и направил на девушку. Он уже был готов спустить курок.

На краткий миг время для Стивена словно остановилось. Он видел только черный пистолет и Сару, закрывшую лицо руками. Не отдавая себе отчета, Лукас схватил с пола металлический стержень и устремился к ним. Затем широко размахнулся и с криком обрушил тяжелый стержень на голову противника.

Звук был такой, словно на пол бросили гнилую тыкву.

Мужчина завалился на бок, несколько раз дернулся и замер. Пальцы его по-прежнему стискивали рукоять пистолета.

«Господи, что я наделал? – пронеслось у Стивена в голове. – Что же я наделал?»

Стержень выпал у него из рук и со звоном укатился за стеллаж. На мгновение в подвале воцарилась зловещая тишина. Потом Стивен нерешительно приблизился к безжизненному

телу. В этот момент второй мужчина вдруг вскочил и оттолкнул букиниста в сторону. Лукас налетел на стеллаж и упал.

– Эй! – крикнула Сара.

Но неизвестный отпихнул ее локтем и бросился к лестнице. Стивен успел разглядеть черную толстовку с капюшоном и какой-то надписью, потом мужчина скрылся из виду.

– Да включите вы уже свет! – просипела Сара.

Она держалась за правый бок. Должно быть, неизвестный ударил ее сильнее, чем показалось со стороны. Стивен на ощупь вышел за дверь и отыскал у дальней стены предохранительный блок. Проведя рукой по переключателям, почувствовал, что все они опущены вниз. Он вернул их в нужное положение, что-то зажужжало, и в коридоре загорелся свет.

– Кто-то действительно выключил... – начал букинист.

Но Сара его перебила. Голос у нее был тихий и какой-то сдавленный:

– Да черт с ним, посмотрите лучше сюда.

Стивен вернулся в подвал, и при свете ламп взору его предстал хаос из опрокинутых стеллажей, ящиков и разорванных книг. И посреди этого беспорядка лежал на спине гигант с пистолетом – ростом почти в два метра, в джинсах, высоких ботинках и темно-зеленой крутке. Вокруг его головы растекалась, быстро увеличиваясь в размерах, лужа крови. Глаза, как два стеклянных шарика, неподвижно уставились в потолок.

– Господи, он мертв! – воскликнул Стивен и опустился на колени рядом с безжизненным телом. Брюки пропитались кровью, но букинист этого не заметил. – Я убил его! Я убил человека!

Сара подошла ближе и осторожно пихнула труп носком. Она была бледной и дрожала. И по-прежнему держалась за бок, куда ее ударил сбежавший тип.

– Это, без сомнения, один из тех громил, что преследовали нас вечером, – проговорила она задумчиво. – Но кто был тот, второй?

Девушка чуть помедлила, потом, поджав губы, склонилась над трупом и обыскала его карманы. Наконец кончиками пальцев она вынула из кармана куртки бумажник.

– Судя по документам, это... – Сара уставилась в раскрытый бумажник и прищурилась, – ...некий Бернд Райзер. Слышали о нем что-нибудь?

Стивен молча помотал головой. Он без особой надежды проверил пульс гиганта, но признаков жизни не обнаружил. Его собственный пульс еще зашкаливал, и букинист не способен был ясно мыслить. Сара между тем взяла себя в руки. Лукас подивился, с каким хладнокровием она продолжала обыскивать труп. В то же время ее невозмутимость сбивала с толку.

Кто уж она там? Арт-детектив? Скорее Филип Марлоу¹⁴ в женском обличье...

– Можно подумать, вы занимаетесь этим не впервые, – отметил он тихим голосом. – Может, это входит в классическое образование детектива? Обыск трупов?

– Не думаю, чтобы вас это касалось, – ответила Сара, не поднимая глаз. – Но можете считать, что у меня есть определенный опыт.

– И как это связано с *искусством*?

– А это у нас что?

Сара вынула из-под футболки убитого небольшую подвеску в виде золотого лебедя с поднятыми крыльями и надписью внизу.

– *Tmeicos Ettal*, – прочитала она задумчиво и, как маятник, покачала подвеской у Стивена перед глазами. – Что бы это значило? Мне этот язык незнаком. Может, это...

¹⁴ Филип Марлоу – вымышленный частный детектив из Лос-Анджелеса, главный герой рассказов и романов Р. Чандлера.

– Сейчас это не имеет значения, – прошипел Стивен. – Здесь лежит труп! И смерть этого человека на моей совести!

– Он и сам едва не убил человека. – После некоторых раздумий Сара спрятала амулет в карман. – И он целился в меня из пистолета, не забываете.

Лукас снова уставился на труп и растекшуюся лужу крови. Потом резко поднялся и направился к двери.

– В любом случае следует немедленно вызвать полицию. – Он развернулся к Саре: – Можно воспользоваться вашим телефоном? Мой остался где-то наверху.

Сара вынула из кармана черный смартфон и, взглянув на разбитый дисплей, выругалась.

– Вот дерьмо, теперь им разве что бросаться можно. – Она безрезультатно нажала несколько раз на экран. – Видимо, раздавила при падении. Замечательно, он обошелся мне в несколько сотен!

– Тогда пойдемте наверх и позвоним оттуда, – предложил Стивен. – Лучше всего...

– И что вы собираетесь сказать им? – перебила его Сара. – Что искали книгу по стенографии семнадцатого века и случайно огрели палкой эту гориллу?

– Постойте, вы же сами сказали, что это была необходимая мера. Он же хотел задушить человека!

Сара огляделась и пожала плечами.

– Какого человека? Я никого не вижу.

– Но...

– Господин Лукас, – терпеливо продолжила Сара. – Тут не все так просто. Что мы в такое время забыли в подвале? Что это был за сбежавший человек? Что это за книга? Поверьте, я знаю ребят из полиции. Не думайте, что они похлопают нас по плечу и отпустят. Они упекут нас за решетку и будут допрашивать, пока не узнают все о вас до седьмого колена... – Она перевела дух и продолжила: – Вот как мы поступим. Сотрем с палки отпечатки пальцев, вернемся ко мне домой и будем вести себя так, словно никогда здесь не были. А утром кто-нибудь из соседей увидит открытую дверь и обнаружит несчастного взломщика, который в схватке за добычу лишился жизни... Ну, что скажете?

Стивен с недоверием взглянул на девушку. Ее бессердечие беспокоило все больше.

– Предлагаете мне сбежать, как убийце? – спросил он потрясенно.

Сара вскинула брови.

– Нельзя отнестись к этому попроще? Я просто пытаюсь помочь вам. Вам и себе.

Лукас помассировал виски. Потом снова перевел взгляд на труп. Ярко-красную лужу крови довольно странно смотрелась среди белых книжных страниц.

«Как будто чернильницу опрокинули, – подумал букинист. – Или красным воском накапали. И эта кровь на моих руках!»

В конце концов Стивен глубоко вздохнул.

– Ладно, – произнес он тихо. – Сделаем так, как вы говорите. У меня сейчас и так забот по горло, не хватало еще толпы полицейских... Все равно разбираться с этим грузом мне придется самому.

– Отлично. Не сомневайтесь, вы еще спасибо мне скажете.

Сара опустила на колени, скривилась при этом от боли и поискала за стеллажом, пока не нашарила между двумя ящиками перепачканный кровью металлический стержень. Как следует вытерла его платком и положила рядом с трупом.

– С этим покончено.

Она чуть помедлила, после чего разжала безжизненные пальцы гиганта, забрала у него пистолет, со знанием дела поставила на предохранитель и спрятала оружие в карман.

– Что-то мне подсказывает, что он нам еще понадобится. – Сара вновь взглянула на Стивена. – А теперь давайте наконец разыщем эту чертову книгу.

Лукас кивнул, словно под гипнозом. Он уже и забыл, зачем они, собственно, пришли сюда. Наконец Стивен осторожно обошел лужу и стал рыться в дальней части архива, где хранились научные труды XVII и XVIII веков. Руки у него дрожали, при каждом шорохе ему казалось, что на лестнице кто-то есть – может, тот, второй незнакомец? В какой-то момент у него возникло ощущение, что труп на полу обратится в зомби и придушит его своими крепкими руками.

– Черт, долго вы там возитесь будете? – проворчала Сара. – Этот тип в капюшоне, чего доброго, позвонит в полицию. Представляю, что тут начнется!

– Я... Минуточку.

Стивен прошел вдоль стеллажей. Книги были расставлены в алфавитном порядке, и «Тахиграфия» Шелтона оказалась справа на самом верху. Это был невзрачного вида увесистый фолиант под картонной обложкой. Букинист, точно воришка, спрятал его под пиджак.

– А теперь убираемся, – распорядилась Сара, уже направляясь к лестнице. – Помолиться за громилу можно и в машине. Согласны?

* * *

Часом позже Стивен, в спортивном трико и застиранной футболке, сидел в кабинете Сары за чашкой черного чая.

Девушка убедила его, что возвращаться в собственную квартиру сейчас небезопасно. Если люди в темно-зеленых куртках разыскали его лавку, то им не составит труда выяснить и его адрес. Все равно Стивен был слишком взволнован, чтобы улечься спать. За прошедшие сутки жизнь его перевернулась с ног на голову. Поэтому скрепя сердце букинист согласился переждать в кабинете у Сары. Хоть и пришлось довольствоваться лишь чаем и чистыми обносками.

Стивен прикусил губу. Труп в его лавке не давал ему покоя. Он убил человека, и не важно, что эта мера была вынужденной. А эта так называемая арт-детектив вела себя так, будто ничего не случилось... Сара, конечно, тоже пребывала в некотором смятении и допивала уже второй стакан виски, но в общем и целом произошедшее в подвале она перенесла на удивление легко. Кто эта девушка на самом деле?

Заметив его взгляд, Сара улыбнулась и показала в сторону кухни.

– Я, пожалуй, приготовлю нам что-нибудь, – сказала она бодрым голосом. – Мама всегда говорила, что после еды мир видится совсем иначе. Убедиться в этом я так и не смогла, хотя возможно, что это моя мама так стряпала.

– Не понимаю, как вы можете думать в такой момент о еде, – возмутился Стивен. – Человек убит! Для вас это обычное дело?

– Нет, вовсе нет, – Сара склонила голову набок и задумчиво посмотрела на букиниста. – Но у меня, видимо, кожа потолще вашей. Там, где я выросла, подобные случаи были в порядке вещей.

– Дайте угадаю, – усмехнулся Стивен. – Бронкс в Нью-Йорке или Соуэто в Йоханнесбурге?

Сара усмехнулась в ответ.

– Веддинг, Берлин. Бывали там? Треть населения иммигранты, треть безработные. Если у тебя нос не разбит, с тобой и играть никто не станет. Лучшим развлечением для нас было, когда полиция штурмовала очередной наркопритон. А на детской площадке на Максштрассе наркоманы держали тайник в песочнице. – Она втянула воздух, словно закурила

сигарету. – Тот тип в вашем архиве был похож на одного из дилеров, которые вечно прогоняли нас с качелей.

Стивен задумчиво кивнул:

– Понимаю. Полагаю, вам и родители помочь особо не могли?

– Родители? Помочь? – Сара тихо рассмеялась и принялась задумчиво рассматривать свои ногти, покрытые зеленым лаком. – Все было наоборот. *Мне* приходилось помогать родителям. Вам когда-нибудь доводилось тащить в постель маму, вдрызг пьяную, и снимать с нее заблеванную одежду?

– Я... боюсь, что нет, – пробормотал Стивен. – Такого опыта у меня не было. – Он чуть помедлил, после чего продолжил: – А ваш дядя не мог помочь? В том смысле, что он все-таки был профессором. Я и подумал...

– Вы не знали мою маму, – грубо прервала его Сара. – Дядя Пауль все перепробовал. Но если человеку захочется напиться, то он напьется. И если дать ему денег, он купит не детских одежек, а дешевого пойла. – Она резко поднялась. – А теперь прошу простить меня. Кухня ждет.

Сара молча вышла в коридор и скрылась на кухне. Стивен долго смотрел ей вслед. Эта девушка постоянно сбивала его с толку! Она была словно в невидимом панцире. Всякий раз, когда Лукас пытался проявить дружелюбие, Сара отстранялась от него. Она казалась ему магнитом, немного притягивала его – и тут же отталкивала.

Стивен вздохнул и вернулся к более насущным проблемам. На столе перед ним лежал труд Шелтона по стенографии. Это было лишь переиздание 1842 года, но свою задачу выполняло не хуже оригинала или даже лучше. Стивен успел немного полистать книгу. Текст был написан на старом английском, знакомом букинисту по некоторым другим работам той эпохи. Куда больше проблем возникло со странными каракулями, которые Шелтон в XVII веке окрестил «Тахиграфией».

Стивен немного разбирался в стенографии. В университете он посещал семинар по скорописи Иоганна Габельсбергера. Его система XIX века лежала в основе современной немецкой стенографии. Но значки Шелтона были другими и местами напоминали каракули пятилетнего ребенка.

Стивен вздохнул и отпил из чашки крепкого чая. Похоже, пройдет еще какое-то время, прежде чем он сможет расшифровать дневник Теодора Марота. Что означали странные ряды букв, которые попадались на некоторых страницах, по-прежнему оставалось для него загадкой.

– Сэндвичи? – Сара вернулась с кухни с подносом, полным бутербродов. Она снова улыбалась. – С горчичным соусом повозилась в этот раз подольше. Правда, в моем случае это мало что значит.

Стивен чуть ли не с отвращением помотал головой. При виде густого соуса, капающего с бутербродов с лососем, вспомнилась лужа крови в его лавке.

– Спасибо, вы очень любезны, – пробормотал букинист. – Только вот аппетит что-то пропал. Остается только надеяться, что наше решение не звонить в полицию было верным.

– Не сомневайтесь. – С бутербродом в руке Сара показала на старинную книгу перед Стивеном. – Ну как, выяснили что-нибудь?

Стивен невольно отодвинул «Тахиграфию» Шелтона.

– Осторожнее тут с майонезом, – пробормотал он. – Это вам не журнал какой-нибудь.

– Прошу прощения, – Сара улыбнулась и отставила поднос. – Я и забыла, что у вас столь трепетное отношение к книгам.

– Просто не люблю, когда их пачкают майонезом, – ответил букинист. – Тем более что это редкий экземпляр и не хотелось бы, чтоб на нем появились жирные пятна... – Он показал на свою футболку и штаны, обвисшие на бедрах. – Это вы их раньше носили?

– Это шутка? – Сара возмущенно вскинула брови. – Я кто, по-вашему? Мисс Пигги?¹⁵ Они остались от моего бывшего, а он, видимо, чуть крупнее вас. – Она пожала плечами. – Вот и ждут с тех пор, пока я их не выброшу вместе с другими шмотками. Но от вещей мне почему-то избавиться труднее, чем от их владельца.

Стивен улыбнулся.

– Похоже, непросто быть вашим другом?

– Скажем так, у меня высокие требования, – ответила Сара. – Мне недостаточно уютиться с кем-нибудь на диване, пока по телевизору идет «Формула-1». И мужчины в большинстве своем терпеть не могут, когда партнерша умнее их. – Она с улыбкой взглянула на его футболку с изображением какой-то рок-группы. – Стоит признать, Дэвид был довольно хорош собой, но рано или поздно захочется поговорить о чем-то еще, кроме серфинга, ночных клубов и музыки.

– По крайней мере, в этом отношении я бы вас не разочаровал, – Стивен поднял руку, словно приносил клятву. – Я не катался на серфе, и мне неинтересны ни ночные клубы, ни клубная музыка. Кроме того, меня бы в *моей* одежде не пропустили на фейсконтроле.

Ему вдруг вспомнились его запачканные кровью брюки, которые лежали теперь в мусорном баке. Букинист вновь посерьезнел.

– Тот тип в зеленой куртке, – пробормотал он. – Бернд Райзер... Интересно, что ему понадобилось в моей лавке?

– Наверное, он поджидал вас на случай, если вы вернетесь, – произнесла Сара задумчиво. – Завтра я попытаюсь выяснить, что означает эта надпись *Tmeicos Ettal*, да и сам лебедь. Что-то с ним не так. Такие украшения носят двенадцатилетние девочки, а не громилы вроде этого. – Она надкусила второй бутерброд. – Но меня куда больше занимает сейчас второй тип. До сих пор я считала, что за книгой охотятся только эти мордвороты. Но, судя по всему, ею интересуется кто-то еще.

– Хотите сказать, тип в черном капюшоне явился в хранилище, чтобы разыскать книгу, и этот Райзер застал его врасплох? – спросил Стивен.

Сара пожала плечами и откусила от сэндвича, так что соус выдавило со всех сторон.

– Или наоборот, – сказала она с набитым ртом. – В любом случае желающих заполучить шкатулку с книгой становится все больше.

– Или этот тип в капюшоне был обыкновенным взломщиком. Увидел разбитую витрину и решил воспользоваться случаем, – задумчиво заметил Стивен.

– Воришка, падкий на Рильке и Флобера? Даже не знаю. – Сара проглотила кусок и показала на книгу по стенографии. – Так или иначе, мы их всех опередили. Ведь мы, в отличие от них, знаем, как расшифровать дневник нашего Теодора Марота.

– Скажете это еще раз часа через три. Потому что *мы*-то как раз ничего и не знаем. – Стивен потер красные от усталости глаза. – *И мне* для начала следует одолеть триста страниц «Тахиграфии».

– А вы уверены, что не хотите сначала поспать немного?

– Я слишком возбужден, чтобы спать. – Букинист пододвинул стул поближе к столу и открыл первую страницу. – Кроме того, вы разожгли во мне любопытство.

– Что ж, ладно, – Сара отошла к дивану и укрылась тонким шерстяным одеялом. – Разбудите, когда выясните, кто убийца.

Она зевнула, потянулась и закрыла глаза. Стивен ее последней фразы уже не слышал. Он погрузился в изучение руководства по скорописи Шелтона. Довольно скоро он понял, что все не так уж сложно, как показалось вначале. Конечно, освоение стенографии Шелтона заняло бы не одну неделю, но расшифровка оказалась на удивление простой. Фразы то и дело

¹⁵ Мисс Пигги – гламурная свинка, персонаж популярной юмористической телепрограммы «Маппет-шоу».

повторялись, некоторые слова давались в виде простых сокращений или общих символов. Стивен отметил, что семинар по стенографии в университете все-таки не прошел бесследно. Через два часа он решил, что можно попытаться прочесть записи Марота. Достаточно лишь воспринимать это как учебное задание. К странным наборам букв, которые попадались уже со второй страницы, он вернется позже.

Стивен раскрыл дневник на первой странице и снова испытал это странное чувство, что книжка ему знакома. Это ощущение дополнялось беспричинным, казалось бы, страхом. В горле пересохло, подступила легкая тошнота. Что же это за книга такая? Может, она все-таки связана с магией? Или у него самого уже мания?

Он с трудом стал продираться сквозь шифр. Поначалу ему то и дело приходилось сверяться с «Тахиграфией», но со временем дело пошло быстрее. Стивен, словно ледокол среди льдов, прокладывая себе путь сквозь текст. Некоторые слова или строки полностью разобрать не удавалось, тогда букинист пытался восстановить их по смыслу. Лукас записывал фразы в блокнот, слово за словом, при этом его собственный стиль перекликался с архаичным слогом Теодора Марота.

На ближайшие несколько часов Стивен с головой погрузился в мир Теодора Марота, мир на исходе девятнадцатого столетия, который иногда казался букинисту недостижимым, как чужая планета. Перед его внутренним взором катили по тесным и слякотным улочкам экипажи, мужчины во фраках и плащах учтиво приподнимали цилиндры, и женщины в корсетах и пышных юбках кружили под вальсы Иоганна Штрауса. Ему виделись сказочные замки, торжественные банкеты и мерцание гротов. До него доносился звонкий смех меланхоличного короля и звучная музыка Вагнера. Он чувствовал аромат тысяч свечей, зажженных в бальном зале, ощущал во рту вкус векового бордо...

Но острее всего Стивен чувствовал, что автор этого потрепанного дневника собирается поведать ему что-то невероятное. Тайна, прежде известная лишь небольшому кругу избранных. Тайна, которой ассистент королевского лейб-медика делился, словно на исповеди.

Стивен буквально чувствовал страх Теодора Марота, еще проступающий между строк, как оттертое пятно крови на белой с виду рубашке.

8

Берг, 21 июня 1886 года
βΜΑΜΙJH

Мое имя Теодор Марот.

Я ассистент королевского лейб-медика, доктора Макса Шляйса фон Лёвенфельда и преданный друг короля, каких у Его Величества было не так уж много. Мы пытались спасти его, но потерпели неудачу. Слезы мои орошают бумагу, как дождь – иссушенную землю, но и они не в силах исправить произошедшее. Король мертв, и его враги одержали верх. Возможно, эти записи помогут пролить свет на истину, какой бы горькой она ни была.

Пока я пишу эти строки, сильные мира сего собираются в резиденции на поминальный обед. Словно вороны, набросятся они на суп из бычьих хвостов, телячьи ребрышки и отбивные из оленины. Будут вытирать жирные губы и за чашкой кофе поздравлять друг друга с победой. Ведь король мертв и унес тайну с собой в могилу. Только нам немногим известно, что произошло в действительности. И если министры когда-нибудь узнают об этом, всех нас ждет выстрел из засады. Лишь после того, как последний из нас отправится в могилу вслед за Людвигом, они смогут быть уверенными, что общественности ничего не откроется. Что никто не помешает им править и дальше. Принца-регента, эту марионетку, они займут охотой или прогулками, в то время как сами будут вершить большую политику.

В субботу, два дня назад, он был похоронен в Мюнхене, в церкви Святого Михаила. Хотя в глазах министров доктор Лёвенфельд был, скорее всего, гнусным предателем, нам и другим врачам все же позволили шагать в траурной процессии. Должно быть, это была последняя их милость, прежде чем Лёвенфельда отправили в отставку, а на меня самого открыли охоту.

В тот день на пышной Бриеннерштрассе собралось столько народу, что восемь лошадей, запряженные в катафалк, продвигались вперед с большим трудом. Многие плакали, лавки были закрыты все до одной, а из окон вывесили черные знамена, и они хлопали под порывами ветра. Казалось, люди за эти полдня пытались выразить королю всю ту любовь, в которой отказывали ему последние десять лет. Но было слишком поздно.

Что сказал бы Людвиг, если б увидел, как военные в парадной форме вышагивают печатным шагом перед гробом? Как все эти придворные льстецы, служащие и лакеи с печальным видом вливаются в процессию, а в душе при этом радуются? Мне даже захотелось в тот момент, чтобы две дюжины Хранителей в черных одеждах и с факелами в руках бросились на это сборище. Но они молча шагали в своих призрачных одеяниях во главе процессии, с королевскими гербами на груди и перекрещенными в знак смерти костями.

Когда гроб выносили из резиденции, на краткий миг, словно на прощание, из-за туч выглянуло солнце. Все подняли глаза к небу, будто Людвиг помахал им оттуда. Короля как раз уложили в склеп в церкви Святого Михаила, и в это мгновение сверкнула молния и прогремел гром такой силы, что люди с воплями попадали на колени и зажали уши. Многие сочли это знаком, что Людвиг по-прежнему среди нас, и уже ходят слухи, что он уединился в недрах Наттернберга в Деггендорфе и когда-нибудь вернется, чтобы наказать своих убийц.

Но я-то знаю, что этого не случится. Король мертв.

ΜΑΑÖY

Уж если я взялся описать те события, которые привели к столь жуткому финалу, то начну, пожалуй, с августа 1885 года, когда королю стукнуло сорок лет. Если б мы знали, что этот день рождения станет для Людвига последним, мы бы лили слезы и умоляли короля

образумиться. Но мы лишь потакали его капризам и участвовали в его играх, в которых каждому из нас была отведена своя роль.

Как и в прежние годы, Людвиг праздновал свой день рождения в усадьбе на вершине Шахен горного хребта Веттерштайн, недалеко от Гармиша. Местные крестьяне разожгли на вершинах праздничные костры, и мы были окружены сверкающим ореолом, в центре которого находился деревянный дворец. Приглашения удостоились лишь некоторые из соратников Людвига – в их числе королевский адъютант, граф Альфред Эббрехт фон Дюркхайм-Монмартен, посыльный Карл Хессельшвердт и ваш покорный слуга.

С тех пор как я стал ассистентом доктора Лёвенфельда, а это произошло более десяти лет назад, король все чаще приглашал меня к себе. При этом мы, зачастую до рассвета, рассуждали о французском придворном театре, поэзии Шиллера или своеобразном творчестве Эдгара Алана По, которого Людвиг любил больше всех среди современных писателей. Осмелюсь предположить, что за эти годы я стал для него настоящим другом. И хотя его причуды и манеры зачастую напоминали мне капризы двенадцатилетнего мальчишки, он все-таки был моим королем. Чувствительный, лиричный, порой вспыльчивый человек, каких еще не было на этой земле. Скорее художник, чем глава государства – ни одна страна не сможет похвастаться таким правителем!

В ту ночь с 24 на 25 августа мы допоздна сидели на верхнем этаже королевской усадьбы, в так называемых Турецких покоях – несколько лет назад Людвиг пожелал обставить эту комнату по образцу мавританских дворцов. В центре тихо журчал фонтан, пол устилали мягкие, с орнаментным узором ковры, стены были украшены позолоченной резьбой и яркими витражами. Мы, в халатах, развалились на диванах и подушках, курили кальян и пили кофе из крошечных чашечек тончайшего фарфора. Слуги в тюрбанах и с серьгами в ушах обмахивали нас веерами из павлиньих перьев. Откуда-то доносились звуки свирели.

Я уже привык к подобным инсценировкам, поэтому не удивился, когда король медлительно, словно Будда, приподнялся на своих подушках и протянул мне свою трубку.

– Дорогой Махмуд, великий визирь и преданнейший из мусульман, – обратился он ко мне с серьезным видом. – Вы слишком напряжены. Вот, попробуйте этого превосходного табака. Он поможет вам окунуться в мир Тысячи и одной ночи.

Я с улыбкой принял трубку и затянулся. Король довольно часто давал нам исторические или вымышленные имена. За последние годы я успел побывать Гавейном, Гюнтером, верным Экхартом и министром Кольбером. Так почему бы не прибавить к этому роль великого визиря? Сквозь клубы дыма я смотрел на тучную фигуру Людвига и пытался вспомнить, каким он был когда-то.

Это был уже не тот статный красавец, которого женщины боготворили еще в первые годы правления. При росте почти в два метра, Людвиг по-прежнему оставался гигантом, но весил он, вероятно, уже за сотню. Лицо его стало бледным и отечным, глаза потускнели, во рту почти не осталось зубов. Даже со своего места я чувствовал его скверное дыхание. Пестрые турецкие наряды, которые Людвиг носил в этом дворце, не скрывали того факта, что он запускал себя все больше и больше. Только волосы по-прежнему были черными и густыми, как двадцать лет назад, когда он взошел на престол.

Что же беспокоило нас больше всего, так это его состояния, отчасти безумные, отчасти мечтательные. И с каждым годом это проявлялось все острее. Лунный король, так его называли. День и ночь поменялись для него местами, и жил он в собственном сказочном мире. Даже мы, самые преданные его друзья, все реже могли до него докричаться.

Рядом беспокойно поерзал на своих подушках граф Дюркхайм. Столь энергичный адъютант с аккуратно подкрученными усами, как и все мы, был в складчатом шелковом халате. Дюркхайм терпеть не мог все эти маскарады, но понимал, что если и можно чего-то добиться от короля, то не во время официальных приемов, а в такие вот моменты.

– Ваше Величество, нам нужно поговорить, – начал он с серьезным видом. – Я вчера снова просматривал ваш гражданский лист. Ваши долги достигают почти четырнадцать миллионов марок. И мне кажется, что строительство ваших замков...

– Дюркхайм, сколько раз повторяют, что в свой день рождения я и слышать ничего не желаю о финансовых делах, – сердито прервал его король и захлопнул сборник турецкой поэзии, из которого собрался что-то зачитать. – Как будто мало вы досаждаете мне этим вопросом в Мюнхене... Мы продолжим строительство, это не обсуждается. Замки отражают мою сущность, без них я не смогу называть себя королем. – Губы его сложились в две тонкие линии. – Мой отец, мой дед, все могли строить их, – прошипел он. – Только со мной господа министры позволяют себе такое! Клянусь честью, Дюркхайм, если эти господа не выделят мне денег, я собственноручно взорву Хоэншвангау. Я больше не намерен сносить этот позор! Достаньте мне деньги, не важно как, вы меня поняли? Вы *поняли* меня?

Последние слова Людвиг почти прокричал. Мы все смущенно опустили глаза. Финансовое положение короля в последние годы становилось все более неустойчивым. Строительство нового замка Хоэншвангау, в народе именуемого также Нойшванштайн, дворцов Херренхимзее и Линдерхоф, а также множество других проектов требовали огромных денежных вливаний. Король располагал весьма ограниченным бюджетом, так называемым гражданским листом, и давно вышел за его рамки. Он был в долгах перед многочисленными мастерами, и совет министров настаивал, чтобы строительство было наконец остановлено. Тщетно. Людвиг возводил замки один за другим, как дети возводят крепости из песка или снега. Он сбегал в свой сказочный мир, чтобы почувствовать себя королем, каким должен быть король по его собственным представлениям. Он был Артуром, а мы – рыцарями Круглого стола, отважными германскими воителями или, как сейчас, верными сарацинами, курящими кальян посреди баварских Альп.

Несколько секунд стояла тишина, потом Дюркхайм снова заговорил. Усы у него заметно подрагивали, но он старался не выдавать волнения.

– Ваше Величество, рано или поздно министрам это надоест. Я опасуюсь, что покушение...

– Покушение? От рук министров? Дюркхайм, не смешите меня! – Людвиг засмеялся так громко, что живот под турецким халатом затрясся, как вздутый свиной пузырь. – Эта шайка взяточников способна разве что ужин мне отравить. Но чтобы покушение... Уж если и ждать покушения, так это от анархистов! Кроме того, я уже несколько лет прошу подобрать мне лейб-гвардию, верных рыцарей, готовых умереть за меня! Как насчет этого?

– Мы мало кому можем доверять, – пробормотал Дюркхайм. – Я получил известие, что Бисмарк...

– Довольно этой болтовни!

Король показал на курьера Хессельшвердта, который сделался за этот год своего рода вторым адъютантом. Я считал этого изворотливого типа двуличным льстецом. Но Людвиг, к сожалению, в последнее время души в нем не чаял.

– Славный Хессельшвердт на следующей же неделе попытается раздобыть денег за границей. В Англии, Венеции, Генуе... Верно, Хессельшвердт?

Тощий курьер преданно кивнул. В турецком халате он смотрелся смешнее всех остальных.

– Непременно, Ваше Величество, – прошелестел он. – Всегда к вашим услугам.

Людвиг вновь опустился в свое кресло.

– А теперь давайте дальше праздновать, – прогудел он, как довольный толстый кот. – Я тут отыскал чудесную сказку и хочу зачитать ее вслух. *Compris?*¹⁶

¹⁶ Понятно? (фр.)

* * *

Через некоторое время мы с Дюркхаймом стояли на балконе и молча смотрели на многочисленные огни, догорающие вокруг нас. И хотя был только август, в горах дул холодный ветер.

– Что вы имели в виду, когда говорили о покушении? – спросил я наконец. – Вы упоминали Бисмарка. Неужели вы считаете, что...

– Тс-с! – Дюркхайм прижал палец к губам. – Даже здесь, в этой усадьбе, я не знаю, кому еще можно доверять. Этот Хессельшвердт лопочет все, что хочется услышать королю. Чертов подхалим, будь он проклят! – Он ударил ногой по парапету.

Изнутри доносился монотонный голос Людвига. Король приступал уже к третьей сказке.

– Но вы правы, – продолжил адъютант. – Я действительно узнал кое-что, и это меня тревожит. Я знаю кое-кого в службе внутренних дел. Говорят, что скоро в Мюнхен прибудет человек Бисмарка. Не кто иной, как Карл фон Штрелиц, агент, которому канцлер поручает... – он провел ладонью по горлу, – ...скажем так, деликатные миссии. Фон Штрелиц побывал на службе уже у нескольких государств. Его считают лучшим шпионом в Европе. И опаснейшим.

У меня на мгновение остановилось сердце.

– Вы всерьез полагаете, что рейхсканцлер хочет *убить* Людвига? – спросил я хриплым голосом. – Но почему?

Граф Дюркхайм говорил теперь так тихо, что я едва мог расслышать его слова.

– Вы ведь помните, что он говорил в последний раз насчет Пруссии? – прошептал он. – Что лучше он отдаст свое королевство австрийцам, чем останется в рейхе под кнутом Гогенцоллернов.

Я нерешительно кивнул. Людвиг действительно так и не смог смириться с тем, что в самом начале его правления Бавария проиграла войну с Пруссией и в 1870 году была вынуждена выступить против Франции на стороне Гогенцоллернов. Германский союз одержал тогда победу, и прусский король Вильгельм – кстати, дальний дядя Людвига – был провозглашен германским императором. С тех пор Людвиг подумывал отречься от престола и просто передать корону Австрии.

– Бисмарку это понемногу надоедает, – продолжал тихим голосом Дюркхайм. – Если Бавария выйдет из состава империи, то мечты о сплоченном немецком отечестве так и останутся мечтами. Бисмарк давно подумывает о том, чтобы усадить на престол Луитпольда. Но на пути у него, конечно же, стоит Людвиг...

Последние слова зловеще повисли в воздухе. Мне стало зябко в тонком халате.

– Хотя возможно, что фон Штрелиц должен лишь разведать обстановку в Мюнхене, – прошептал Дюркхайм. – В любом случае мы должны быть осторожны.

– Что вы предлагаете?

Граф бросил на меня задумчивый взгляд.

– Как думаете, вам по силам проследить за этим фон Штрелицем? – спросил он.

– Мне? – Я почувствовал, как кровь схлынула с моего лица. – Но я не жандарм и не комиссар, я всего лишь врач. Не думаю...

– Теодор, прошу вас! – впервые в жизни Дюркхайм назвал меня по имени. – Мне больше некому довериться! Служба внутренних дел во главе с Файлитчем давно отвернулась от короля. В полиции, скорее всего, тоже полно доносчиков. Нужно выяснить, что задумывает Бисмарк, – и прежде, чем об этом узнают противники Людвига! – Тут по лицу его

скользнула улыбка. – Кроме того, будучи простым ассистентом, вы обладаете одним неоспоримым преимуществом. Никто не заподозрит в вас баварского агента с секретной миссией.

– Что ж, замечательно, – шепнул я. – И как вы себе это представляете?

Дюркхайм вкратце изложил мне свой замысел. Король между тем декламировал османское стихотворение прошлого столетия. Некоторые из слуг в тюрбанах уже тихо похрапывали.

VOYPIJPM

Спустя две недели я стоял, в черном плаще, в цилиндре и с кнутом в руках, на главном вокзале Мюнхена и дожидался четырехчасового поезда из Берлина. Граф Дюркхайм выяснил через своих осведомителей в службе внутренних дел, что фон Штрелиц прибудет в Мюнхен под именем Альфонса Шмидта. В министерстве агенту пообещали предоставить экипаж с кучером. Дюркхайму стоило немалых трудов, чтобы выяснить, кто из перевозчиков взялся за это дело. Когда же он все-таки преуспел, хватило пятидесяти марок, чтобы посадить на место кучера своего человека.

То есть меня.

На лбу у меня выступили капельки пота, и причиной тому был не только душный сентябрьский день. Я все ждал, что ко мне подбегут жандармы и возьмут под стражу, распознав мой незатейливый камуфляж. Но мои опасения были напрасны. Поезд со свистом подошел к платформе, распахнулись двери вагонов, и начали выходить пассажиры из Берлина, Аугсбурга и Нюрнберга. В большинстве своем это были деловитые на вид мужчины средних лет, в аккуратных котелках и дорогих костюмах, у отворотов которых блестели золотые цепочки часов. Были среди пассажиров и немногочисленные женщины: в пышных платьях с турнюрами и искусно расшитых шляпках, они изящно вертели в руках зонтики, пока худые, неухоженные носильщики возились с их внушительным багажом.

Я узнал фон Штрелица по худощавой фигуре, высокому цилиндру и аккуратно подстриженным бакенбардам. Накануне Дюркхайм показал мне фотографию прусского агента. В одной руке он держал небольшой чемодан, в другой – трость. Его плащ развевался, отчего фон Штрелиц на краткий миг стал похож на большую летучую мышь. Он огляделся в поисках обещанного экипажа.

– Господин фон Шт... – начал было я, но вовремя опомнился и громким голосом окликнул господина Шмидта.

Фон Штрелиц повернулся ко мне, и в первый миг мне показалось, будто он видит меня насквозь. Агент окинул меня взглядом и задумчиво подкрутил черные усы.

– Вы и есть тот самый кучер, которого мне обещали? – спросил он властным голосом.

Я усердно закивал.

– Я и есть, сударь. Я и есть. – Как перед выходом на сцену, волнение вдруг прошло, стоило мне вступить в свою роль. – Если вы господин Шмидт из Берлина, то я и есть ваш кучер, господин. К вашим услугам.

Я коснулся своего цилиндра и обозначил легкий поклон.

– Позвольте ваш чемодан, – я показал на небольшой чемодан в его руке, но агент лишь покачал головой.

– Он останется при мне. Езжайте сначала на Максимилианштрассе. Нужно будет забрать оттуда кое-кого.

– Как прикажете, сударь.

Между тем мы вышли из здания вокзала, расположенного недалеко от города. Всюду сновали извозчики и носильщики, предлагая свои услуги. Маленький мальчик продавал горячие, ароматные крендельки из ящика на колесах, размером больше самого продавца.

Фон Штрелиц брезгливо отмахивался от малолетних попрошайек и следовал за мной к тому месту, где я оставил свой экипаж.

– Поспешите, пожалуйста, – проворчал агент, забираясь внутрь. – Господин, которого нам следует забрать, не привык ждать.

Я щелкнул кнутом и взмолился, чтобы лошадь меня послушалась. Я довольно сносно держался в седле, и несколько раз мне даже доводилось управлять повозкой. Но править тяжелым экипажем по оживленным улицам Мюнхена – это совсем другое.

Лошадь заржала и тронулась с места. Мы проехали Карловы ворота, за которыми, собственно, и начинался город. Дети со смехом перебежали улицу и собирали конские яблоки, старый слепой солдат клюкой нащупывал дорогу. Навстречу то и дело проносились другие экипажи, едва не касаясь моих дрожек. За последние десятилетия Мюнхен разросся до настоящей метрополии, и толкотня на улицах была соответствующая. Я щелкал кнутом и как мог пытался скрыть свою неуверенность. Однако в душе я проклинал Дюркхайма за его идею выдать меня за кучера и таким образом узнать о планах прусского агента.

– Поворачиваем на Максимилианштрассе, – сообщил я чуть громче, чем следовало. – Вы только взгляните на эти великолепные здания! Шедевры архитектуры, ради которых король Максимилиан Второй в годы своего правления...

– Помолчите ради бога, вы, идиот, – проворчал фон Штрелиц. – Если мне понадобится экскурсовод, я куплю «Бедекера»¹⁷. Остановите вон там.

Я покорно кивнул и остановил лошадь у роскошного министерского здания. Из дверей то и дело выходили господа в цилиндрах и с толстыми портфелями. Фон Штрелиц приподнял занавеску и выглянул из окна. Потом вдруг махнул рукой, и к нашему экипажу приблизился благородный пожилой господин с моноклем и пышными бакенбардами.

Когда я узнал его, у меня едва не остановилось сердце. Это был не кто иной, как секретарь Генрих Пфаффингер, правая рука Иоганна фон Лутца, председателя совета министров Баварии! Пфаффингер не раз видел меня при короле. Я надвинул цилиндр на лоб и молил пресвятую Деву Марию, чтобы он не узнал меня.

Но Пфаффингер даже не посмотрел в мою сторону. Он направился сразу к фон Штрелицу, и тот открыл перед ним дверь. Секретарь кивнул в знак приветствия и влез внутрь.

– В Шеллинг-салон, в Максфорштадт, – приказал фон Штрелиц и постучал по перегородке. – Только побыстрее, если можно.

– Как прикажете, сударь.

Я взмахнул кнутом, и мы проехали обратно по Максимилианштрассе. Потом, миновав королевскую резиденцию, свернули на Людвигштрассе. Здания здесь были выстроены в классическом греческом стиле еще при Людвиге I. Из-за перегородки до меня доносились приглушенные голоса.

Я прислушался и попытался разобраться, о чем говорили эти двое. Между тем мы подъезжали к границе города, откуда был уже виден Швабинг. Бывшая деревушка располагалась сразу за Триумфальной аркой и считалась среди порядочных горожан гнездом разврата. Туда стекалось множество студентов и художников, по слухам ночи напролет предававшихся оргиям и безудержным пьянкам.

– Ваш человек точно придет? – услышал я через перегородку тихий голос агента.

– Я гарантировал ему полную конфиденциальность, – ответил Пфаффингер. – Поэтому и место встречи столь необычное. Положение весьма щекотливое.

¹⁷ Карл Бедекер (1801–1859) – немецкий издатель, основавший в 1827 г. в Кобленце издательство путеводителей по разным городам и странам.

– Это я и без вас знаю. Но для Бисмарка важно, чтобы заключение было неопровержимым. В противном случае это может спровоцировать революцию в Баварии. Стоит нам потерять бдительность, и под угрозой окажется Германский союз.

– Разумеется. Но если король узнает об этом слишком рано...

– Тс-с! – прервал его фон Штрелиц и постучал по тонкой перегородке. – Заедем в Швабинг. Я хочу показать своему гостю пару заведений.

– Но почему через Швабинг? – удивился Пфаффингер. – Это же немалый крюк.

– Не хочу, чтобы кто-нибудь проследил за нами, – ответил фон Штрелиц вполголоса. – В тесных переулках легче будет затеряться. – И крикнул, обращаясь ко мне: – Эй, мы не на воскресной прогулке. Побыстрее!

– Как прикажете, господин.

Мы пронеслись через Триумфальную арку и поехали мимо старых крестьянских домов, еще попадавших среди новых вилл. За последние годы Швабинг претерпел куда больше изменений, чем все остальные предместья Мюнхена. Несколько девиц, ярко одетых и с короткими волосами, стояли на углу, смеялись и покачивали бедрами в такт музыке, доносящейся из какого-то трактира. Молодые люди в поношенных костюмах и со стопками книг в обнимку брели по улицам и озирались алчными взглядами. Справа из переулка с пронзительной трелью вынырнула одна из новомодных конок.

Когда мы снова добрались до Максфорштадта, я повернул на Шеллингштрассе и остановился перед Шеллинг-салонем, открытым всего несколько лет назад. Заведение было устроено по образу венских кофеен, с высокими светлыми окнами и уютным садиком с тенистыми каштанами. Фон Штрелиц и секретарь молча вышли и проследовали к салону.

– Ждите здесь, – бросил мне фон Штрелиц, после чего скрылся внутри.

Минут десять я просидел на козлах в полном неведении, пока рядом не остановился второй экипаж. Когда распахнулась дверца, я увидел пожилого господина в темном костюме хорошего покроя и с тростью. Он был низкого роста, с сединой в окладистой бороде; в его глазах за стеклами пенсне читался острый ум. Я был уверен, что где-то уже встречал этого человека, но, как ни старался, не смог вспомнить, при каких именно обстоятельствах. Скорее всего, это случилось где-нибудь при дворе.

Пожилый господин поспешно вошел в салон и оставил меня наедине с моими хмурыми мыслями. Что мне оставалось делать? До сих пор мне удалось лишь выяснить, что Пруссия сообща с баварскими министрами что-то замышляла против короля. Я выругался вполголоса, потому что не мог вспомнить имя этого господина.

В конце концов я не выдержал. Отбросив все предосторожности, я прыгнул с козел, подошел к двери и нерешительно потянул на себя ручку. Погода стояла хорошая, поэтому посетители в основном сидели снаружи в пивном саду. Внутри, в прокуренном зале, были заняты лишь несколько столиков. У дальней стены сквозь табачный дым угадывался бильярдный стол, у которого, однако, никто не играл. Оттуда в отдельный зал вела дверь матового стекла.

Я улыбнулся служанке и заказал маленькую кружку пива, после чего направился к бильярдному столу и таким образом оказался довольно близко к стеклянной двери. За ней действительно были слышны приглушенные голоса. Чтобы не вызывать подозрений, я взял кий и сделал вид, будто разучиваю кое-какие удары, между тем как все мое внимание было приковано к разговору в соседнем зале. Стоило только сосредоточиться, и слова до какой-то степени становились разборчивыми.

– ...нельзя тянуть ни дня, – произнес секретарь Пфаффингер. – Каждую неделю приходят мастера, с которыми король не в состоянии расплатиться. И это лишь верхушка айсберга!

– Вы о его маленьких безумствах? – спросил фон Штрелиц. – Бисмарк уже рассказывал мне о них.

– Он разговаривает за столом с королем Людовиком Четырнадцатым и Марией-Антуанеттой! – посетовал Пфаффингер. – С покойниками! Если вообще разговаривает. В основном он поднимается в пять вечера и всю ночь ездит верхом. А днем приходится затенять комнаты, потому что Его Величество спит или читает... А эти маскарады! В Линдерхофе он заставляет лакеев ходить в шкурах и водить с ним хороводы! А в усадьбе на Шахене мнит себя багдадским халифом! Это невыносимо, это позор для нашей страны!

– А это правда, что кому-то из слуг кроме как в черной маске приближаться к королю запрещено? – спросил фон Штрелиц. – А другой в качестве наказания должен ходить с восковой печатью на лбу? – Он тихо рассмеялся. – Ведь неплохая идея. Я иногда и сам не прочь выжечь своим людям клеймо на лбу.

– Вам хорошо говорить, – вздохнул Пфаффингер. – Вам не приходится изо дня в день потакать его безумствам. Как вы считаете, доктор, разве этот человек не безумен?

Последние слова, вероятно, были адресованы третьему господину. Он прокашлялся, и я впервые услышал его голос.

– Действительно, налицо все признаки паранойи. Это не первый случай в его семье. Но мне следует основательно побеседовать с королем.

– Мы не можем идти на такой риск! – прошипел Пфаффингер. – Если Людвиг узнает, что мы хотим объявить его сумасшедшим, нас всех ждет расстрел.

Я замер. Кий едва не выскользнул у меня из рук, когда до меня дошло услышанное. Министры хотели объявить Людвига сумасшедшим и лишитъ дееспособности! То есть никакое не покушение, а медленное убийство! Теперь я вспомнил, откуда знаю третьего господина. Это был не кто иной, как знаменитый психиатр Бернхард фон Гудден, который в свое время поставил диагноз Отто, брату Людвига. Я видел его раз или два в замке Фюрстенрид. То, что затевали эти трое, было просто-напросто государственной изменой!

Служанка за стойкой бросила на меня недоверчивый взгляд. Должно быть, она заметила, как я побледнел. Я отпил пива из кружки, чтобы не привлечь еще больше внимания. Когда женщина отвернулась к другим посетителям, я подкрался к самой двери, чтобы подслушать разговор дальше.

– Я говорил с Бисмарком, – сказал фон Штрелиц. – Он согласен передать правление Луитпольду. Но только в том случае, если медицинское заключение будет неопровержимо. Мы не можем допустить гражданскую войну в Баварии.

– Написать заключение без возможности побеседовать с королем? – пробормотал доктор фон Гудден. – Это будет непросто.

– Поймите же, господин доктор! – настаивал Пфаффингер. – Слишком велика опасность, что он велит расстрелять всех министров!

– Бросьте вы; опасность лишь в том, что он вас распустит, – резко возразил фон Гудден. – Не этого ли вы опасаетесь в действительности? Если вы не дадите ему денег на его замки, он просто наберет себе других министров.

– Людвиг доверяет кабинету Лутца, – произнес Пфаффингер тихим голосом. – Он не хочет иметь дела с ультрамонтанами¹⁸, послушными Папе. Поэтому король верен нам.

– Надолго ли? – Доктор фон Гудден вздохнул. – Но я понимаю, к чему вы клоните. Король и в самом деле становится слишком обременительным для государства. Однако необходимо, чтобы такое заключение поддержали в народе. Не забывайте, у Людвига по-прежнему много сторонников.

¹⁸ Ультрамонтанство – идеология и течение в Римско-католической церкви, выступавшие за жесткое подчинение национальных католических церквей Папе Римскому, а также защищавшие верховную светскую власть пап над светскими государями Европы.

– Об этом не тревожьтесь, – успокоил его секретарь. – Мы окажем давление на газеты, пустим соответствующие статьи... Наши люди повсюду.

– Отлично, – сказал фон Штрелиц. – Значит, я могу доложить канцлеру, что все идет...

Он не закончил. Последовала пауза. Слишком поздно я заметил тень за матовым стеклом. Должно быть, кто-то увидел меня из зала! Прусский агент распахнул дверь и в бешенстве уставился на меня.

– Что вы здесь... – начал он.

Но я ткнул его кием в живот. Фон Штрелиц со стоном повалился на пол. За его спиной раздавались громкие голоса.

– Господи, это еще кто такой? – воскликнул Пфаффингер.

– Видимо, королевский агент, выдававший себя за кучера! – простонал фон Штрелиц, слишком быстро поднявшись на ноги.

Я между тем обогнул бильярдный стол и бросился было к выходу. В этот миг раздался выстрел. Что-то просвистело над самым моим ухом.

– Ни шагу дальше, – проворчал фон Штрелиц, целясь в меня из небольшого «дерринджера». – Или следующая пуля вышибет вам мозги.

Секретарь Пфаффингер и фон Гудден стояли позади него в полной растерянности. Доктор нервно протирал пенсне.

Я медленно кивнул и опустил руки на бильярдный стол, на котором еще оставалось несколько шаров. Дрожащие пальцы скользнули по холодной слоновой кости.

– Сейчас же поднимите руки, пока... – начал фон Штрелиц.

Брошенный мною шар попал ему точно в лоб и сбил агента с ног. Следующий мой снаряд угодил ему в плечо. Фон Штрелиц изрыгал проклятия в мой адрес. Метнув последний шар, я перескочил через агента и сшиб служанку, вошедшую в зал с полным подносом. Осколки со звоном рассыпались по полу, женщина подняла крик. Я оставил их позади и бросился на улицу, к своему экипажу; не раздумывая, схватился за кнут, хлестнул лошадь и с места пустил ее галопом. Оглянувшись, я увидел, к своему ужасу, что фон Штрелиц вслед за мной выбежал в сад. Он подскочил ко второму экипажу, вероятно ожидавшемуся доктора фон Гуддена, спихнул растерянного кучера и, взявшись за поводья, погнался за мной по Шеллингштрассе.

Мы бешеным галопом пронеслись мимо доходных домов и трактиров, после чего свернули на Людвигштрассе. Я бросил взгляд через плечо. Фон Штрелиц медленно, но верно догонял меня. Нас разделяли уже считанные метры. Можно было разглядеть искаженное яростью, залитое кровью лицо агента. Поводья он держал левой рукой, в правой у него был пистолет. Вновь раздался выстрел. Я пригнулся, и что-то прожужжало у меня над ухом. Между тем фон Штрелиц пытался обогнать меня. Другие экипажи, ехавшие ему навстречу, вынуждены были сворачивать. Я слышал ругань извозчиков. Какая-то повозка вместе с лошадьми опрокинулась набок и врезалась в ступени Фельдхернхалле.

Пот лился с меня ручьем. Я хлестнул лошадь. Подковы в бешеном ритме стучали по брусчатке. Я понимал: если фон Штрелиц настигнет меня, то застрелит среди бела дня, и не важно, что это произойдет в центре Мюнхена, на глазах у жандармов. Для него куда важнее было, чтобы я не смог доложить королю о готовящемся преступлении.

На головокружительной скорости я пролетел мимо королевской резиденции по Максимилианштрассе, потом до самого Изара и погнался лошадь вдоль реки, пока впереди не показался мост Райхенбах. Фон Штрелиц по-прежнему был у меня на хвосте. Я повернул налево и углубился в Ау, бедный мюнхенский пригород. Дома здесь были ветхие и приземистые, улицы тесные и извилистые. Нищие и батраки провожали нас удивленными взглядами; некоторые даже подбадривали, предположив, по всей видимости, что мы гоняемся на спор.

Тут из какого-то переулка показалось стадо коз и коров. Я подогнал лошадь и успел проскочить перед ними, прежде чем стадо заполнило улицу. Сзади до меня донеслась громкая ругань фон Штрелица. Но это не помогло ему – коровы и не думали разбежаться.

Я оглянулся еще раз. Фон Штрелиц хлестал ближайших коров и тщетно пытался пробиться сквозь стадо. Я отвернулся с довольной ухмылкой и на следующей развилке забрал резко вправо; остановился за телегой с сеном и, мокрый от пота, спрыгнул на землю. Хоть на какое-то время я оторвался от своего преследователя.

Я действительно выяснил то, о чем, вероятно, догадывался граф Дюркхайм: они хотели объявить короля сумасшедшим! И отстранить от власти.

Я понимал, что должен немедленно сообщить королю об их чудовищном замысле, пусть это могло стоить мне жизни. Фон Штрелиц наверняка уже пустил в ход все свои средства, чтобы я никогда не добрался до замка ЛИНДЕРХОФ, где пребывал на тот момент Людвиг. Его люди, вероятно, уже ждали меня у городских ворот! Но я любой ценой должен был туда добраться. Моя ЛЮБОВЬ к королю была сильнее страха. Она – тот самый ключ, который поможет открыть миру правду.

В скором времени я уже затерялся среди тесных переулков Ау. Но еще долго в ушах у меня звучали выстрелы фон Штрелица. Мне еще не раз доведется услышать их...

MHXÜMÖÖQ

9

Стивена нещадно трясло в старом экипаже. Он ощущал каждый камень мостовой под колесами, словно его тащили по ним волоком. Голова гудела под впечатлениями последних суток. В довершение всего извозчик принялся орать на него во все горло:

– Подъем! Эй, просыпайтесь!

Стивен отметил с некоторым недоумением, что кучером, по всей вероятности, была женщина. Кроме того, стук колес вдруг утих и трясло его вовсе не в повозке. Чья-то рука тянула его за мятый рукав. Наконец букинист поднял голову и потер заспанные глаза. Перед ним стояла и ухмылялась Сара Ленгфельд с чашкой кофе. На столе среди альбомов и смятых стикеров лежал раскрытый дневник, над которым букинист, вероятно, заснул. По крайней мере, кто-то накинул ему на ноги теплый плед.

– Вот, выпейте, – сказала Сара и показала куда-то назад. – Хочу показать вам кое-что. Но перед этим лучше проснуться окончательно.

– Сколько... сколько я проспал? – пробормотал Стивен и с благодарностью принял чашку. На краткий миг перед глазами возник образ убитого в лавке громилы, и он невольно вздрогнул. – Дневник... Я перевел несколько страниц и, должно быть, задремал.

Сара улыбнулась.

– Скоро полдень, если хотите знать. И вы храпите, как канадская бензопила. – Она показала на небритое лицо букиниста. – К тому же пускаете слюни во сне.

Стивен смущенно вытер губы. После сна в кресле букинист чувствовал себя так, словно действительно проехался в почтовой карете XIX века. Выглядел он, должно быть, не лучшим образом: бледный, растрепанный, небритый и с запахом изо рта. А щетка и бритвенные принадлежности, конечно же, остались у него в квартире! Самое время возвращаться домой. Возможно, их предосторожности были излишни.

– Сара, послушайте, – начал он. – Пора заканчивать эти прятки и...

Девушка отмахнулась.

– Если вы опасаетесь, что между нами может что-то произойти, поспешу вас успокоить, – перебила она его, – вы не в моем вкусе. Слишком старый, – она усмехнулась. – Шутка. Но вам, судя по всему, придется остаться у меня еще на какое-то время.

Стивен взглянул на нее в недоумении.

– Боюсь, я не совсем понимаю...

– Тогда допивайте скорее кофе и идемте за мной, – Сара посмотрела на часы. – Почти одиннадцать, сейчас кое-что покажут по телевизору. Вам непременно нужно посмотреть.

– Что... посмотреть? – спросил Стивен и покачал головой. – Вам разве неинтересно, что написано в дневнике? Крайне увлекательные, скажу я вам...

– То, что сейчас покажут по телевизору, куда увлекательнее, уж вы мне поверьте. Идемте уже, а то пропустим все.

Стивен пожал плечами и двинулся вслед за Сарой. Она провела его по коридору в соседнюю комнату, вероятно, в спальню. Обстановку ее составляла лишь широкая кровать, оранжевый шкаф, битком набитый пестрой одеждой, и внушительных размеров телевизор. Сара взяла пульт и переключила его на местный канал. Под торжественную мелодию как раз начинался очередной выпуск новостей. Ведущая, улыбочивая блондинка, стояла в скромно обставленной студии. В руке она держала несколько карточек, а за ее спиной появилась нечеткая фотография. Стивен едва не выронил чашку.

На экране было его собственное фото.

– Ага, – сказала Сара и сделала громче. – Как раз вовремя.

– Как уже сообщалось сегодня, появились новые подробности по делу жестокого убийства профессора Пауля Либерманна, – произнесла блондинка, улыбаясь в камеру. – Полиция уже разыскивает подозреваемого. Это мюнхенский букинист Стивен Лукас. Сегодня утром сотрудники полиции нашли в его магазине плащ и шляпу убитого. На них также обнаружены следы крови.

– Поверить не могу! – взволнованно вставил Стивен. – Этот профессор...

Но Сара мягко сжала его руку.

– Тс-с, – шепнула она. – Это еще цветочки.

– В полиции предполагают, что между профессором и букинистом имело место противоборство, что подтверждается найденным в подвале магазина еще одним убитым, – продолжала ведущая, критически вскинув при этом правую бровь. – По данным полиции, это некий Бернд Райзер, безработный сторож, уже неоднократно привлекавшийся к ответственности за нанесение побоев. Соседи видели, как прошлой ночью Стивен Лукас входил в магазин. С тех пор о нем ничего не известно.

– Старик Штибнер со второго этажа, он же впустил нас, – простонал Стивен. – Болван, как же я мог забыть про него!

Ему вдруг стало дурно, и он опустился на неубранную кровать. Ведущая между тем призывала телезрителей к бдительности и просила сообщать в полицию любые важные сведения. Затем последовал репортаж о брошенных щенках, но Сара, к счастью, выключила телевизор.

– Господи, – пробормотал Стивен и схватился за голову. – Теперь *меня* подозревают в убийстве профессора. Но... это же абсурдно! Откуда у меня мог взяться его плащ? В магазине ничего не было!

– Видимо, все-таки было. Теперь нам, по крайней мере, известно, что понадобилось у вас этому мордвороту прошлой ночью. Должно быть, он и подкинул вам эти вещи. А потом кто-то сообщил об этом в полицию и прессу, – она забрала чашку из ослабевшей руки Стивена и задумчиво допила оставшийся кофе. – Прием, конечно, так себе. По всей видимости, кто-то там всерьез решил известить вас.

– Надо было вызвать полицию, как я и предлагал! – проворчал Стивен. – И зачем я только послушался вас! Теперь я по уши в дерьме...

– Откуда мне было знать, что кто-то подкинет вам вещи моего дяди и доложит легавым? Вы так говорите, будто я ваша мамочка. Вот и пошли бы в полицию вместо того, чтобы жаловаться!

Сара взяла пачку сигарет, лежавшую возле кровати, и закурила.

– Да нам это и не поможет, – добавила она. – Надо подумать. Наверняка тут не обошлось без наших старых друзей. И меньше всего им нужно, чтобы мы отправились в полицию. Вот они сделали вас главным подозреваемым. Недурно, весьма недурно...

Стивену вспомнился тот человек в дорогом костюме, который заходил к нему позапрошлым вечером. Что, если это он все устроил? Может, он стоит во главе Хранителей, которые хотят всеми средствами заполнить книгу?

От табачного дыма букинист почувствовал себя еще хуже. Он не проспал и пяти часов, почти ничего не ел, а теперь вот узнал, что его разыскивают по подозрению в жестоком убийстве. Лукас стал обмахиваться ладонью. Сара заметила его отчаянные попытки и затушила сигарету. Потом участливо взглянула на него.

– Вот что я предлагаю, господин Лукас, – сказала она. – Я сейчас сооружу нам завтрак из кофе и круассанов, а вы пока расскажете мне, что выяснили из этого дневника. Потом вместе подумаем, как быть дальше. – Она улыбнулась. – Вот увидите, мир покажется вам не таким уж скверным.

Стивен кивнул. Хотя ему с трудом верилось, что мир когда-нибудь станет для него прежним.

* * *

Спустя полчаса они сидели за неубранным столом на небольшой кухне и жевали круассаны с шоколадом. На вкус выпечка была ужасной, однако Стивен чувствовал, как к нему понемногу возвращаются жизненные силы. Он рассказал Саре обо всем, что узнал из записей. Девушка все это время молча слушала и потягивала крепкий кофе.

– Если дневник подлинный, это будет сенсацией, – проговорила она наконец. – Не думаю, что существуют и другие документы, доказывающие, что Людвиг стал жертвой заговора.

– Что значит «заговора»? – возразил Стивен и обмакнул круассан в кофе. – Король был не в своем уме! Вы только вспомните черную маску, которую вынужден был носить слуга. Все эти разговоры с королем Людовиком, сказочные замки, переодевания...

– Господин Лукас, позвольте вопрос, – перебила его Сара с некоторым недовольством, так, словно он чем-то ее оскорбил. – Майкл Джексон был в своем уме?

Стивен нахмурил лоб.

– Майкл Джексон? А он здесь при чем?

– Ну, король поп-музыки жил как король у себя на ранчо «Неверленд», прятал лицо под кислородной маской, воображал себя обезьяной и спал в барокамере. Он был в своем уме?

– В определенной степени, можно сказать...

– Вы бы упрятали его в психушку?

Стивен возмущенно помотал головой.

– Нет, конечно.

– Вот видите, в том и проблема, – заключила Сара. – Некоторые люди ведут себя довольно экстравагантно, они взбалмошные, не такие, как все, – но это вовсе не значит, что они сумасшедшие. И нет никаких оснований сажать их в психушку.

Стивен кивнул:

– Я понял, к чему вы клоните. Видимо, поэтому доктор фон Гудден и сомневался, когда ему поручили объявить Людвига сумасшедшим.

– Заключение основано на свидетельствах королевских лакеев, – сказала Сара и намазала на круассан толстый слой меда. – Карьеристов и придворных льстецов. Это как если бы вы спросили у работников конвейера, ублюдок их шеф или нет, и следом предложили бы им нового шефа и прибавку к зарплате.

Букинист улыбнулся.

– Можно подумать, у вас какая-то симпатия к Людвигу.

– Просто терпеть не могу, когда человека считают чокнутым только потому, что он не такой, как все остальные.

Некоторое время за столом царил тишина. Потом Стивен прокашлялся.

– Как думаете, что мне теперь делать? – спросил он. – Пойти в полицию и все объяснить?

– После того, как они нашли у вас вещи моего дяди и окровавленный труп в придачу? – Сара нахмурилась. – Это будет непросто. Для начала давайте попробуем разобраться с этим дневником. Может, заодно найдутся какие-нибудь доказательства, которые убедят полицию.

Стивен кивнул.

– Ладно, давайте тогда обобщим все, что нам уже известно, – начал он. – Эти записи, по всей видимости, принадлежат одному из верных сподвижников Людвига Второго. А изложенные в них события имели место в последние месяцы жизни короля. Но все эти наборы

букв, что они означают? – Букинист взял дневник, лежавший рядом на столе. – ВМАМІЈН, – пробормотал он. – Или МААӦУ. Я насчитал пять таких комбинаций, пока разобрал первые несколько страниц. И впереди их еще немало. – Он покачал головой. – У Шелтона про чтение таких шифров ничего не сказано.

– Может, это какой-то другой шифр, – предположила Сара. – Так сказать, шифр внутри шифра. Возможно, то, что хотел скрыть Марот, настолько невероятно, что потребовало дополнительного шифрования.

Стивен наморщил лоб.

– Полагаете, он написал о чем-то еще, не только о заговоре?

– Я лишь пришла к выводу, что Марот приложил немало усилий, чтобы надежно зашифровать некие сведения. Кроме того, тот неизвестный, который пытается отобрать у вас книгу, прибегает к весьма изощренным методам. На Хранителей это не похоже, какими бы странными они ни были.

Стивен устало потер глаза.

– Так или иначе, а эту загадку нам, наверное, не разгадать. Я, чтобы разобрать пару страниц этой скорописи, убил несколько часов.

– Дайте взгляну.

Сара потянулась через стол за дневником, капнув при этом шоколадом на первую страницу.

– Осторожнее! – прошипел Стивен. – Это вам не...

– Журнал какой-нибудь, знаю, – перебила его Сара и перелистнула несколько страниц. – Выглядит так, будто одни буквы сознательно заменили другими. Кроме того, все буквы заглавные и написаны нормальным шрифтом.

– Марот явно хотел, чтобы на них обратили внимание, – задумчиво произнес Стивен. – Они имели для него большое значение. Только вот что они значат... – Он пожал плечами.

– Подождите.

Сара взяла салфетку и записала несколько строк.

ВМАМІЈН, МААӦУ, VOYPIJPIUM, MNXÜMÖOQ

– Похоже на буквенный код, – пробормотала она. – Как будто определенные буквы заменили по какому-то образцу.

Стивен кивнул:

– Я тоже так подумал и прошлой ночью попробовал разгадать его. Вам известно про шифр Цезаря?

Сара пожала плечами.

– Я искусствовед, а не криптолог. Выкладывайте.

– Этим способом, предположительно, пользовался Юлий Цезарь. При таком способе выбирают какую-то букву в алфавите, и буквы в тексте смещаются на определенное число позиций. Цезарь начинал с «С».

Сара кивнула.

– Ясно. «А» превращается в «С», «В» – в «D»...

– «С» – в «E» и так далее. При расшифровке нужно лишь возвращаться к нужным буквам, – Стивен ткнул ручкой в исписанную салфетку. – Я уже попробовал проделать это с первыми словами, но ничего не вышло. Это было бы слишком просто. – Он вздохнул и пододвинул дневник к Саре. – Я сдаюсь. У меня уже буквы перед глазами расплываются.

Сара взяла дневник и принялась задумчиво листать страницы. Лукас с ужасом отметил, что пальцы у нее испачканы в шоколадном креме.

– Постойте! – воскликнула она неожиданно. – Тут еще два слова написаны заглавными буквами и нормальным шрифтом, – девушка ткнула перепачканным пальцем в страницу. – В самом конце вашего перевода. ЛИНДЕРХОФ и ЛЮБОВЬ.

– Дайте взглянуть, – Стивен поднялся и заглянул к ней через плечо. – Действительно, – пробормотал он. – Ночью я даже не обратил на это внимания. Видимо, на тот момент я уже засыпал.

– Вот еще что странно. – Сара показала на строку, в которой стояло слово ЛЮБОВЬ. – Вот, посмотрите, следующее предложение.

– Она – тот самый ключ, который поможет открыть миру правду, – прочитал Стивен вслух. – Уж не думаете ли вы...

– Я думаю, что оно звучит весьма патетически. Или же следует воспринимать его значение буквально. Марот пишет о любви, проливающей свет на истину. Что, если эта «любовь» есть ключ, без которого невозможно узнать истинную историю? Какой-то знак. И знак этот следует искать в...

– Замке Линдерхоф! Втором слове, написанном заглавными буквами! – Стивен хлопнул себя по лбу. – Возможно, вы и правы!

Сара склонила голову.

– Попытаться, во всяком случае, стоит. Но прежде... – Она выдержала паузу и макнула в кофе очередной круассан. – Я же вам еще не рассказала. Этот амулет со странной надписью *Tmeicos Ettal*, помните?

Стивен кивнул с любопытством.

– Что с ним?

– Пока вы спали, я немного порылась в Интернете. Лебедь был излюбленным символом Людвига, его часто можно было наблюдать на картинах, мебели и украшениях короля. Но это еще не самое интересное.

– А что же?

– *Tmeicos Ettal* – это анаграмма. Если переставить буквы, то получим знаменитое изречение Людовика XIV. *L'etat c'est moi*.

– Государство – это я, – прошептал Стивен.

– Точно. – Сара откусила от круассана и продолжила с набитым ртом: – Эту головоломку Людвиг использовал в планах к одному из своих любимых проектов. Замку, расположенному в Альпах Аммергау.

– Линдерхоф, – простонал Стивен.

– Ага. – Сара вытерла рот салфеткой и встала из-за стола. – Думаю, стоит сегодня же посетить этот замок. Не исключено, что мы обнаружим там какой-нибудь знак, который поможет нам разгадать эти ребусы. Что-то связанное со словом «любовь».

Лукас не двинулся с места и скептически взглянул на Сару.

– С чего бы мне снова подвергать себя опасности? Как знать, может, эти мордovorоты ошиваются где-то поблизости и только и ждут, когда мы покажемся? Здесь, в вашем доме, я по крайней мере в безопасности.

– Вы разве не говорили, что книги – ваша самая большая слабость? – Сара подмигнула ему. – Эта книга, возможно, редчайший шанс, какой может выпасть букинисту. Только не говорите, что она не разожгла в вас любопытства. Перед нами загадка *десятилетия*! Нам выпал шанс пролить свет на самое громкое преступление в новейшей немецкой истории! Раскрыть тайну, которая более ста лет хранилась под этой обложкой... – Она пожала плечами, взяла дневник со стола и направилась к двери. – Но вы, конечно, можете сидеть тут и дуться. Поеду одна.

– Постойте! – Стивен вскочил и бросился за ней в коридор. – Я ведь не сказал «нет», я только... высказал свои мысли. Кроме того... – Он предпринял еще одну отчаянную

попытку: – Что насчет полиции? Не забывайте, меня разыскивают! К вечеру мое фото, скорее всего, будет в каждой газете.

Сара ухмыльнулась и показала через открытую дверь в спальню, где стоял большой шкаф с зеркалом.

– Не ломайте над этим голову, господин Лукас. Мы сделаем из нашего порядочного букиниста совершенно нового человека. – Она смерила его взглядом. – Я ведь уже говорила, что у Дэвида, моего бывшего, примерно ваш размер одежды?

10

Король лежал на водяном матрасе, в наушниках, и с закрытыми глазами наслаждался «Тангейзером» Вагнера. Кровать была изготовлена целиком из дуба, с вычурным балдахинном, выполненным в виде готического собора. Дверь в домашнюю часовню осталась приоткрыта, и видна была трехстворчатая икона, перед которой король молился каждое утро, прежде чем приступить к досадным обязанностям по заработку денег.

За последние годы он заработал кучу денег. Куда больше, чем пара миллионов, которыми располагал в свое время Людвиг. Но, как и Людвиг, он не находил удовлетворения в том, чтобы накапливать богатства и раздавать приказы. Деньги были для него лишь абстрактной массой, которая позволяла ему погружаться в мир собственных грез. Последним шагом в этот мир была книга – ее тайна была последним камешком в мозаике. После жизнь уже никогда не станет прежней. Появись эта книга в иное время, как знать, может, она изменила бы будущее этой страны. Возможно, что это произойдет и теперь.

Книга...

Легкая дисгармония ощущалась в реве труб и горнов. Не то чтобы король сомневался в том, что заполучит записи Теодора Марота. Но его нетерпение возрастало. Он ждал слишком долго. Этот проклятый профессор, коварный льстец, обвел его вокруг пальца. А жалкий букинист просто исчез.

Король облизнул пересохшие губы и сделал музыку чуть громче. По крайней мере, этот букинист не отправится в полицию. Иначе ему придется провести несколько месяцев за решеткой. Без своих любимых книг. Король улыбнулся. Он верно оценил букиниста, люди столь предсказуемы...

Идея с плащом и шляпой был гениальна. Вещи еще лежали в машине, куда Гарет и Гавейн в первый раз затолкали профессора. Гарету следовало лишь подбросить испачканные кровью вещи в магазин. Потом хватило одного звонка, чтобы жандармы, как сторожевые псы, сорвались с цепи.

Король задумчиво склонил голову. Букинист, однако, был не так прост. Смерть Гарета, одного из сильнейших рыцарей, доказала это. Кто бы мог подумать, что этот с виду безобидный человек способен на убийство... Но Лукас лишь усугубил свое положение. Скоро он, как мышь, высунется из укрытия и угодит в капкан...

Король погрузился в раздумья. Потом снял наушники и потянул шелковый шнур возле кровати. Послышался тихий звон колокольчика.

Он отправит лучшего из своих людей.

Через несколько секунд дверь отворилась, и в королевскую спальню вошел гигант. Он был выше двух метров ростом и сложен как старинный тяжелый шкаф. В отличие от остальных рыцарей, вместо куртки на нем был черный, сшитый на заказ костюм, а поверх костюма – плащ черной кожи, что придавало гиганту сходство с пантерой. Черные волосы были собраны в хвост, борода аккуратно подстрижена, по правой щеке тянулся шрам.

– Ваше Величество? – спросил он тихо; тем не менее голос его звучал как рык матерого медведя.

– Эта... проблема так и не решилась, – произнес король. – Гарет потерпел неудачу. Остальные, судя по всему, тоже не доросли до такого задания. Поэтому я отправляю вас, Ланселот.

– Какие приказания, Ваше Величество?

– Разыщите книгу. И позаботьтесь, чтобы этот букинист сохранил тайну. Остается только надеяться, что он еще не подобрался к разгадке.

– Мертвые не говорят.

Король кивнул и собрался уже снова надеть наушники.

– Он, скорее всего, скрылся, – прорычал вдруг Ланселот. – Есть какая-нибудь информация, где его искать?

– Он, видимо, забился в какую-нибудь нору, – ответил король с легким раздражением. – Может, у той женщины, с которой его видели в последний раз. Откуда мне знать? Проверьте его друзей, семью, окружение... Не мог же он раствориться в воздухе! Используйте наши связи в полиции. Возможно, им что-то известно.

Король надел наушники, закрыл глаза и стал напевать арию из второго акта «Тангейзера».

Ланселот неуклюже поклонился, как старый дуб на ветру, и двинулся к выходу спиной вперед, согласно придворному этикету. Король, конечно же, чокнутый, но он хорошо платил. Чертовски хорошо. Ланселоту довелось поработать телохранителем у нескольких миллионеров, он был советником по вопросам безопасности в Конго и Ираке, но эта должность обещала стать самой прибыльной в его карьере. Или даже последней. Еще год на службе у Его Величества, и Ланселот сможет позволить себе столь желанную 12-метровую яхту. И отплывет в направлении Карибских островов, где собирался провести остаток жизни в окружении обнаженных блондинок, не расставаясь с бокалом холодного дайкири.

Оставалось лишь разыскать книгу и разобраться с этим букинистом.

Насколько он мог судить о нем, этот букинист не забивался ни в какие норы. За долгие годы работы Ланселот усвоил одно: тот, кто хладнокровно размозжил противнику голову, не станет прятаться, а перейдет в нападение. Кроме того, этот Стивен Лукас, похоже, был любопытным, как хорек.

Ланселот потер старый шрам, который начинал чесаться всякий раз, когда в нем пробуждался, как древний зверь, инстинкт охотника. Затем похлопал по кобуре под пиджаком, где был спрятан полуавтоматический «глок-17».

Рыцарь холодно улыбнулся. Этот букинист не доставит хлопот. Ланселот уже чувствовал запах моря и ощущал вкус дайкири во рту.

11

– По-моему, ваш новый прикид смотрится не так уж плохо, – сказала Сара и включила радио на музыкальную станцию. – Во всяком случае, молодит вас.

– Уж помолчали бы, – проворчал Стивен. – Поиздеваться я и сам над собой могу. У меня такой вид, будто я к самому себе на двенадцатилетие отправился.

– Так, минутку! – Подтанцовывая под музыку «Нирваны», Сара обогнала «Форд Транзит Комби». – Интеллектом мой Дэвид, может, и не отличается от двенадцатилетнего, но одевался он всегда со вкусом.

– Если кому-то по душе всякие балахоны и штаны, свисающие до колен, у меня претензий нет. Да выключите вы, наконец, это чертово радио, пока опять про меня не заговорили!

– Как прикажете, господин.

Сара выключила радио, и Стивен уставился сквозь ветровое стекло на свое усталое, небритое лицо, отраженное в зеркале заднего вида. На нем были темные очки в серебристой оправе и кепка с логотипом «Нью-Йорк янкиз». Белую хлопчатобумажную рубашку Лукас сменил на футболку с расписанием концертного турне «Бон Джови» и поверх нее накинул потертую кожаную куртку с подплечниками. Вместо вельветовых брюк со стрелками на нем были рваные джинсы. Он походил на американского туриста, приехавшего в Германию с одной-единственной целью – как следует напиться на Октоберфесте.

– Я нарядился как на фашинг¹⁹, – пробормотал букинист. – С той лишь разницей, что сейчас октябрь. Чем он вообще занимается, этот ваш безумец Дэвид?

– Он репортер в каком-то модном журнале, – ответила Сара и пожала плечами. – Им положено так выглядеть. Это своего рода униформа.

– Чудесно. Я догадывался, что вам по вкусу такие типы.

По встречной полосе проехала машина, и Стивен надвинул кепку на лицо.

– Я теперь сам у себя могу взять интервью. Маньяк-букинист и его жертвы. Пойдет на первую полосу.

– Хватит уже кривляться, господин Лукас, – сказала Сара и включила четвертую передачу. – Вы не так уж плохо выглядите. В некоторой степени даже привлекательно, если хотите знать. Тем более что со своей задачей этот наряд справляется. Или в магазине на вас кто-нибудь оглядывался? – Она подмигнула ему. – И кстати, с вашим именем вам больше подходит эта куртка, чем ваш скучный вельветовый пиджак.

– Если я родился в Штатах, это еще не значит, что я должен выглядеть как болван из бостонского колледжа, – проворчал Стивен.

– Вы и в самом деле американец? Только девушкам не говорите. Иначе примут вас за какую-нибудь рок-звезду и захотят к вам в постель.

Стивен раздраженно мотнул головой.

– Очень смешно, фройляйн Ленгфельд. Сосредоточьтесь лучше на дороге.

Еще в Мюнхене они заглянули в небольшой супермаркет, чтобы купить для Стивена зубную щетку, бритву и дезодорант. Учитывая все обстоятельства, в ближайшее время попасть к себе домой букинист не рассчитывал. На кассе ему улыбнулась молодая продавщица, и если какая-нибудь дама обращала на него внимание, то смотрела с явным интересом. Стивен был вынужден признать, что образ молодого мужчины, переживающего кризис среднего возраста, воспринимается людьми весьма благожелательно и не вызывает замешательства. Тем не менее он чувствовал какую-то... фальшь. Он просто не был собой и не сомневался, что люди рано или поздно это почувствуют.

¹⁹ Фашинг – традиционные карнавалы в период с 11 ноября до начала пасхального поста.

– Еще час, и будем на месте. Или минут сорок, если прибавить газу.

Под визг колес Сара свернула на автобан в сторону Гармиша, и они влились в общий поток, после полудня уже не такой плотный. Осеннее солнце светило сквозь ветровое стекло. Липы и буки, одетые в яркую листву, тянулись вдоль многорядного шоссе, и впереди были видны Альпы. Казалось, достаточно проехать всего пару километров, чтобы оказаться у подножия гор. Вскоре город остался позади, справа и слева, в море цветов и среди деревьев виднелись колокольни церквушек.

«Это могла быть приятная прогулка, – подумал Стивен. – А меня, увы, разыскивают за двойное убийство».

Он вновь опустил взгляд на небольшой рюкзак у себя на коленях. В нем, завернутая в пакет, лежала деревянная шкатулка с фотографиями, черным локоном и дневником. Поначалу Стивен порывался просто вышвырнуть его из окна. Проклятая книга перевернула его жизнь до неузнаваемости. Но любопытство все-таки оказалось сильнее. Любопытство – и то чувство, объяснить которое букинист по-прежнему был не в силах. Казалось, что-то тесно связывало его с этой книгой.

Стивен задумчиво уставился в окно. Что бы это могло быть – настолько секретное, что Теодор Марот воспользовался дополнительным кодом?

Что, черт возьми, тебе известно о Людвиге? Неужели это настолько ужасно, что потребовало дополнительного шифра?

– Упс... у нас, кажется, проблемы.

Голос Сары вывел его из задумчивости. Стивен не успел ничего ответить, он увидел все сам. На дороге, обрамленной деревьями, перед ними образовалась пробка, и в сотне метров мигал синий проблесковый маячок. Водители высовывались из окон и пытались разглядеть, что происходит. У букиниста резко зачастил пульс.

– Черт, это меня разыскивают! – прошипел Стивен. – Сначала репортаж по радио, а теперь это... Я, должно быть, сошел с ума, раз согласился на ваш план!

– С чего вы взяли, что это из-за вас? – попыталась успокоить его Сара. – Может, там авария. К тому же в этом наряде вас даже мать родная не узнает.

– А если они спросят у меня документы, что тогда?

Сара не ответила. Машина медленно приближалась к синему огоньку. Теперь они подъехали достаточно близко и убедились, что впереди действительно полицейский контроль. Возле обочины была припаркована патрульная машина, и офицер в униформе останавливал всех подряд. Стивен видел, что полицейские проверяют документы у некоторых водителей. Медленно, но верно приближалась их очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.